D 60/22

D 60/22

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

ВЪ

АЛЕКСАНДРОВОЙ СЛОБОДѢ

И

УСПЕНСКІЙ ДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ ТО ЖЕ ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. С. Стромилова.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1874.

Д 60/22

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

ВЪ

АЛЕКСАНДРОВОЙ СЛОБОДѢ

И

УСПЕНСКІЙ ДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ ТО ЖЕ ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. С. Стромилова.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1874 г. кн. 1-я.

Госуд ственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
26573-47

2007043124

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

ВЪ

АЛЕКСАНДРОВОЙ СЛОБОДѢ И УСПЕНСКІЙ ДѢВИЧЬ МОНАСТЫРЬ ВЪ ТО ВРЕМЯ.

I.

Сельское приволье и деревенская простота манили прелестную Цесаревну Елисавету Петровну, преслѣдуемую дозоромъ Долгорукихъ, остудившихъ ее съ очарованнымъ ею Императоромъ, Петромъ II, и мечтавшихъ даже заточить ее въ монастырь. [1]

Разгулъ тогдашняго Двора, съ влюбившимся въ нее 13-лѣтнимъ племянникомъ-Императоромъ, хотя и былъ по душѣ Цесаревнѣ, но томительное въ своихъ видахъ преслѣдованіе его любимца, Князя И. А. Долгорукаго, спѣшившаго породниться съ Петромъ II, охладили будущую нашу Царь-Дѣвицу, [2] и она стала искать развлеченій въ безмятежной тиши подмосковныхъ дворцовыхъ селъ, предавшись тамъ вполнѣ влеченіямъ своей страстной, пылкой, исторусской натуры, жаждавшей и сердечныхъ треволненій, и бойкаго раздолья во всю ширь тогдашней жизни.

Среди этихъ мирныхъ уголковъ подъ шумными столицами: Измайлово, Перово, Покровское, также Сарское, навѣщаемыхъ Цесаревною, вдали тревожнаго Двора, Александрова Слобода, ея

---

[1] Памятники новой Русской исторіи: сборникъ статей и матерьяловъ Кашперова. Спб. 1870 г.; въ немъ статья: Судьба Князей Долгорукихъ при Императрицѣ Аннѣ.—Показаніе Князя И. А. Долгорукаго, въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1864 г., книга I.—Арсеньевъ, Царствованіе Екатерины I, стр. 130—135. —Примѣчанія Болтина—1788 г., т. II, стр. 516.

[2] По выраженію Державина, описавшаго превосходно бытъ Императрицы Елисаветы Петровны въ стихотвореніи: «Царь Дѣвица.» См. его сочин., изд. Я. К. Грота, III, стр. 122—130.

вотчина, была чаще ихъ временнымъ пребываніемъ своей помѣщицы-Цесаревны.

Государева Дворцовая Александрова Слобода была искони ея вотчиной и, съ «приписными» своими смежными Государевыми волостями и дворцовыми селами, составляла «Слободской станъ Переславскаго Залѣсскаго Уѣзда и, при первомъ раздѣленіи Россіи на Губерніи Указомъ Петра Великаго, въ 1708 г., Декабря 18 дня, вошла въ составъ того же Переяславскаго Залѣсскаго Уѣзда Провинціи, приписанной къ Московской Губерніи, и стала, какъ бы его «пригородъ,» вѣдаться тамошними Воеводами.

Но въ Слободѣ были и свои власти. На торговой площади, въ средоточіи посада, стояла Изба Земская, строенная на мірской счетъ, съ подклѣтомъ: она вѣдала хозяйственной судной и полицейской частью въ извѣстныхъ предѣлахъ тогдашняго чиноначалія; въ ней засѣдалъ Земскій Староста, два Цѣловальника или присяжные и Земскій, выбираемые на годъ посадскими людьми Слободы изъ лучшей своей среды, при чемъ Дьякъ могъ служить и болѣе, вмѣстѣ съ подчиненными ему Подьячими, завѣдывавшими письменными дѣлами. Земской избѣ подчинялись: Сотскій, Пятидесятской, Десятской. Кромѣ того въ Слободѣ была Съѣзжая Изба или Приказная, съ площадными Дьяками. Все это подчинялось, по разнымъ своимъ дѣламъ, вѣдомству Московскихъ Приказовъ: Суднаго, Большаго Дворца и Большой Казны.

Общій Указъ для Россіи Царя Петра Алексѣевича въ 1700 г. переименовалъ Земскую Избу въ Ратушу, а Земскаго Старосту въ Земскіе Бургомистры, Цѣловальниковъ въ товарищи Бургомистровъ или Ратмановъ, и въ Слободѣ стала Ратуша, которая тоже вѣдала хозяйственную часть Слободы, но въ 1727 году въ Слободѣ учреждена была Крѣпостная Контора съ надсмотрищикомъ-писцомъ, и Слобода въ то время управлялась Городовымъ Прикащикомъ, какъ представителемъ помѣстной власти (отправлявшимъ, по роду ихъ должности, тѣ же обязанности, что въ Провинціяльныхъ городахъ несли Воеводы, при коихъ они были какъ бы ихъ товарищи), при чемъ и Слобода стала въ то время уже вотчиною Ея Высочества Цесаревны Елисаветы Петровны, наслѣдовавшей [3] ее послѣ

---

[3] Кириловъ, Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства. М. 1831 г., кн. 1

смерти матери, Императрицы Екатерины I (6 Мая, 1727 г.), какъ равно и другое Село Сарское (Царское Село), каковыя обѣ вотчины съ 1728 г. и стали числиться приписанными къ «Комнатѣ Ея Высочества,» [4] которой, [5] въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны, и разрѣшено было, для управленія ея имѣніями только, учрежденіе особой своей Вотчиной Канцеляріи. [6] Отчеты оной, свидѣтельствуя о дворцовомъ хозяйствѣ Цесаревны, упоминаютъ о нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ и отъ Слободы. Такъ, въ счетахъ съ 7 по 14 Іюля 1741 г., значится полученными 2 р. 25 к. за отпускъ въ замужество Александровой Слободы крестьянской дѣвки выводныхъ и пошлинъ; каковые документы, разумѣется, по тогдашнему времени, не миновали выше упомянутой Слободской Крѣпостной Конторы; Вотчинная же Канцелярія Цесаревны съ Слободы черезъ прикащика собирала Цесаревнѣ доходы съ рыбныхъ ловель, мельницъ, табаку, картъ, кожъ, съ пивной продажи, главное съ кружечнаго двора, и оттуда продажи вина по кабакамъ, отдававшимися большею частію Слободскимъ посадскимъ людямъ на откупы, и подъ непосредственнымъ его смотрѣніемъ вела сельское хозяйство въ Слободѣ на искони заведенной Государевой десятинной пашнѣ, произведеніями котораго поддерживалось отчасти довольство Цесаревны по съѣстному харчу и припасу, въ бытность ея и ея штата въ Слободѣ.

Слобода [7] же съ начала XVIII в. не смотря на вотчинныя отношенія, дѣлилась, по «мірскому званію», на двѣ стороны: Монастырскую и Торговую. Монастырской называлась отъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря, по той сторонѣ рѣки Сѣры, которая при-

---

стр. 111—112.—Энциклопедическій Словарь, составл. Русск. учеными и литер. Спб. 1861 г., томъ III, стр. 100.

[4] Семевскій, Русское Слово. 1859 г., Февраль, стр. 229: Духовное завѣщаніе Екатерины I.

[5] Царскосельскій лѣтописецъ въ журналѣ Благонамѣренный, 1835 г., № 30. Mémoires de Prince Pièrre Dolgoroukoff tome I, pag. 481.

[6] Архивъ Князя Воронцова т. I, стр. 4 и 17.

[7] Сообщаемое и излагаемое здѣсь о Слободѣ извлечено изъ нашего архива актовъ и документовъ XVII и XVIII в., какъ памятей, указовъ, грамотъ, списковъ и столбцовъ, такъ и выписокъ, касающихся Успенскаго монастыря, равно же и самаго экономическаго состоянія Слободы въ то время.

легая къ дворцовымъ Государственнымъ волостямъ и древнему среди ихъ поселенію, Старой слободѣ (нынѣ село), тоже подъ Сѣрой, извѣстна была въ документахъ и актахъ этого же XVIII в. подъ именемъ «Старой Александровской Слободы.» Торговая же сторона, какъ наиболѣе всего соотвѣтствовала разселившемуся на противоположной сторонѣ посаду, съ торговыми посреди рядами, гостинымъ дворомъ, кружаломъ и Избами: Съѣзжей или Приказной, въ послѣдствіи Ратушей, и красовавшимся посреди этого и прилегающихъ къ нему слободъ населеніемъ служилаго сословія, деревяннымъ храмомъ, главнымъ въ Слободѣ, Рожества Христова, нынѣ великолѣпнымъ соборомъ г. Александрова,—эта Торговая сторона, по актамъ прошлаго вѣка, значилась «Новой Александровой Слободой», и кромѣ сосредоточья управленія, являвшаго, по обширности Слободы, городовой характеръ, имѣла, среди своихъ приземистыхъ и уютныхъ домиковъ, и помѣщенія «фатерныя» для чиновнаго люда, во главѣ котораго являются сначала ключники да стряпчіи то Сытнаго, то Кормоваго, Дворовъ, по конецъ описываемаго времени превращенныхъ въ одноличную власть въ лицѣ Городоваго Прикащика, заправлявшаго и упадавшимъ хозяйствомъ на той сторонѣ Слободы, раскинутомъ около монастыря на искони Государевой десятинной пашнѣ, обработываемой крестьянами Старослободской и смежныхъ волостей, приписанныхъ къ слободѣ, также какъ они вѣдавшихся Вотчинной Канцеляріей Цесаревны.

Елисавета Петровна, полюбя свою вотчину, Александрову Слободу, приказала въ ней выстроить себѣ для пріѣзду по плану общаго тогдашняго домоваго и теремнаго строенія, просторныя хоромы на каменномъ низѣ, противъ нынѣшняго Христорождественскаго собора, искони главнаго храма въ Слободѣ, на торговой ея сторонѣ.

Торговая площадь ея видна была изъ дворца; на ней, по базарнымъ и праздничнымъ днямъ, шумѣлъ разгульный людъ около изстари стоявшаго тутъ кружала, а по будиямъ мимо него тянулся вереницей рядъ просителей въ около него стоявшую въ то время Ратушу, извѣстную въ послѣдствіи подъ именемъ «Приказа».

Около дворца (такъ стали называться Цесаревнины для пріѣзда хоромы), стоявшаго на горѣ, высясь, при красивомъ мѣстоположеніи, раскинуты были по взгорью хоромныя пристройки для домашнихъ службъ, гдѣ и кишѣла въ пріѣздъ Царевны дворовая челядь служилая, а также и для хозяйственнаго назначемія; словомъ

сказать, въ нихъ сосредоточивался весь немалочисленный составъ всего тогдашняго разнообразнаго домоводства и сельской экономіи: тамъ погребъ съ Фряжскими винами и разными домашними напитками: водянка-холодянка, бархатное пивцо и сладенькій медокъ; тамъ липовая мыльня (баня). Ближе къ дворцу высились жилыя горницы съ обширными въ каменномъ низу подвалами со сводами—помѣщенія для служилой челяди, при чемъ лучшіе, но также въ одно жилье, маленькіе низменные, занималъ ея штатъ дворцовой свиты, сопутствовавшей ей въ Слободу.

Составъ этой свиты былъ не малочисленъ.[8] Гофмейстеръ или, какъ тогда величали, Майордомъ, Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, Гофмейстерина Салтыкова (вышедшая въ послѣдствіи за Фельдмаршала Миниха); Статсъ-дама Г. Румянцева (дочь Андрея Матвѣева, Марія, супруга Графа Александра Ивановича Румянцева); Лейбъ-Хирургъ Лестокъ; Фрейлины: Аграфена Васильевна Салтыкова и старшая дочь Фельдмаршала Миниха, Софья (вышедшая послѣ за Полковника Барона Мальцмана); нѣсколько кавалеровъ изъ родственныхъ ей по матери фамилій: Скавронскихъ, Ефимовскихъ, Гендриковыхъ и т. д. Посреди этихъ кавалеровъ придворной ея свиты чувствительно выдѣлялись, по сердечному своему положенію къ ихъ хозяйкѣ-Цесаревнѣ красавцы-гвардейцы: сначала Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, по отзывамъ современниковъ, «рабъ ея сердца» и приревнованный къ ней юношей-Императоромъ, даже будто бы предлогъ его къ ней охлажденія, а потомъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ—жертва еще болѣе злополучной доли, но въ дни царствованія Елисаветы щедро ею вознагражденной; далѣе неотлучный служитель ея Василій Ивановичъ Чулковъ, будущій счастливецъ ея времени; за этимъ рядомъ грядущихъ случайныхъ людей ея царствованія слѣдуютъ: Возжинскій, Лялинъ, а тамъ далѣе вереница гофъ-курьеровъ, камеръ-пажей, камеръ динеровъ, камеръ-юнфровъ, музыкантовъ, бандуристовъ и, по строю тогдашнихъ дворовъ, нѣсколько карлицъ и карликовъ, шутовъ и шутихъ, инородцевъ: калмыковъ, калмычекъ.

---

[8] Семевскій, Фрейлина Гамильтонъ. От. Зап. 1860 г. № 9, стр. 245 и 246.—Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. VII и VIII.—Корниловичъ, Петерб. Старина, 97—111.—Исторія Петра I, Бергмана. 1837 г., Бергольцъ, Дневникъ, часть I, стр. 301.—Записки о Петрѣ I, Вильямса. Спб. 183, стр. 44 и 60. Записки Дюка

За дворцомъ, какъ обыкновенно во всѣхъ тогдашнихъ дворцовыхъ усадьбахъ, по горѣ тянулись остатки нѣкогда Царскаго роскошнаго хозяйства Царя Ѳедора Алексѣевича, посѣщавшаго ежегодно Александрову Слободу своимъ богомольнымъ шествіемъ во всѣ года своего царствованія, тамошній Успенскій монастырь, и полюбившаго Слободу, какъ его родитель, Царь Алексѣй Михайловичъ, свое любимое Измайлово. Не смотря на упадокъ хозяйства во время Цесаревны, все таки къ ея услугамъ существовали и Конюшенная Слобода,[9] съ незначительнымъ количествомъ стадныхъ лошадей, дававшихъ средство воспользоваться ими для забавы, рядомъ съ ней стоявшему Охотному двору съ Сокольней и немалой Псарней. Передъ всѣмъ этимъ разстилался цвѣтистый лугъ, окаймленный извилистымъ теченіемъ р. Сѣры, за которой, на той сторонѣ, подъ горою внизу, отражалась зеркальная зыбь двухъ обширныхъ прудовъ, извѣстныхъ и въ то время подъ названіемъ зорныхъ, но въ описяхъ значащихся подъ именемъ Государева пруда. Наконецъ, всѣ эти стройки Царской усадьбы завершились рядомъ житницъ, такъ называемымъ Житнымъ дворомъ, съ принадлежнями кормоваго, хлѣбеннаго и сытнаго дворовъ, уже далеко не столь обильно наполненныхъ, какъ въ прошлые годы при ревнителяхъ хозяйства, особенно при Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, въ концѣ XVII в. Но обратимся къ пріѣздамъ Цесаревны. Записки иностранцевъ повѣствователей о Россіи, современниковъ-очевидцевъ, отчасти Манштейна, равно и Маньяна, Дюка же Лирійскаго особенно, свидѣтельствуютъ, и именно подробно веденный Дюкомъ Дневникъ объ отъѣздахъ Цесаревны въ любезную ей Слободу и о пребываніи въ ней преимущественно въ тѣ времена, когда, въ силу тогдашняго придворнаго этикета и происковъ его свѣтилъ, она должна была покидать очарованнаго ею племянника-Императора, притворявшагося, въ угожденіе Долгорукимъ, въ своемъ къ ней охлажденіи (съ Сентября 1728 г.), или когда интриги Верховниковъ ей не благопріятствовали, по крайнему соображенію ея безпечнаго характера, наконецъ дерзкіе виды молодаго, Долгорукаго, а особенно надоѣд-

---

Лирійскаго 2 и 3 книги Осьмнадцатаго вѣка. Сборникъ Бартенева;—Архивъ Князя Воронцова, книга 1;—Лестокъ, статья Хмырова въ Отечественныхъ Запискахъ, и Цесаревна Анна Петровна, статья Петрова въ Памятникахъ новой Русской Исторіи, сборникѣ Кашпирова.

[9] См. Петръ въ Александровой Слободѣ (1689 г.), моя статья въ Вѣстникѣ Политехнической выставки въ Москвѣ за 1872 г., № 46.

ливыя искательства ея руки Нѣмецкими Принцами-авантюристами заставляли ее искренно спѣшить удалиться отъ этихъ противныхъ намековъ ненавистнаго ей брака; словомъ сказать, эти отмѣтки отъѣздовъ представляютъ цѣлый рядъ нелишенныхъ любопытства извѣстій, сообщеніе которыхъ въ извлеченіи еще подробнѣе разъяснитъ побудительныя причины нерѣдкихъ пребываній въ Слободѣ.

«Всѣ благонамѣренные люди радуются уменьшенію Царскаго фаворитизма Принцесы Елисаветы, которая, четыре дня тому назадъ, отправилась пѣшкомъ за десять, или двѣнадцать, миль на богомолье, только въ сопровожденіи одной дамы и Бутурлина, занесъ въ свой Дневникъ Дюкъ Лирійскій [10] отъ 5 Августа, 1728 г., и далѣе продолжаетъ отъ 30 Августа: «Принцеса Елисавета возвратилась съ богомолья, три дня тому назадъ, и теперь лежитъ въ постелѣ, нѣсколько нездоровая отъ дорожнаго утомленія». Тамъ же, [11] отъ 16 Іюня (27) 1729, г., встрѣчаемъ: «Что Принцеса Елисавета не была на похоронахъ Графа Скавронскаго (своего по матери дяди) и она не пріѣзжала ни разу съ своей дачи повидаться съ нимъ.» Далѣе: «Елисавета не пріѣзжала съ своей дачи на имянины въ городъ на 5 Сентября того же 1729 г., и «продолжаетъ упорно» какъ замѣчаетъ Дюкъ Лирійскій [12] въ своемъ Дневникѣ, отъ 10 Октября (29 Сентября) 1729 г. «Елисавета вотъ уже четыре мѣсяца жить безвыѣздно на своей дачѣ.» Но наконецъ «послано Принцесѣ Елисаветѣ, которая у себя въ деревнѣ, приказаніе возвратиться въ столицу, и ея ждутъ завтра», сообщаетъ Дюкъ въ своемъ Дневникѣ, отъ 20 Ноября (1 Декабря), 1729 г., и дѣйствительно, ожиданія были не безплодны, и 22 Ноября Цесаревна была и лобзала руку у Государыни-Невѣсты Императора Петра II, Княжны Екатерины Долгорукой, оставшись присутствовать и 30 Ноября—день ихъ обрученія.

Объ этомъ времени уединенія и безвыѣздномъ пребываніи весьма не лестно отзывается Саксонскій Посланникъ Лефортъ, [13] отъ

---

[10] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, книга II. Письма о Россіи Дюка Лирійскаго, стр. 97, 98 и 99.

[11] Тамъ же, стр. 169 и 180.

[12] Тамъ же, стр. 181, 186 и 187, а равно 188.

[13] La cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1858, page 8.—Семевскій, Русское Слово 1859 г., Февраль, примѣч. 31 къ статьѣ: Елисавета Петровна.

10 Октября, 1729: «Cette Princesse vit dans une obscurité incroyable, et peu considérée est fort derangée.»

Безпечность характера не вызвала въ Цесаревнѣ охоту воспользоваться, быть можетъ и поблагопріятствовавшими ей обстоятельствами при выборѣ Государя, по смерти Петра II. Маньянъ, [14] въ своихъ депешахъ, отъ 3 Апрѣля, 1730 г., пишетъ: «Цесаревна Елисавета не проявилась никакимъ образомъ при этомъ случаѣ: она наслаждалась въ это время деревенскою жизнію, и тѣмъ, кто хлопоталъ здѣсь въ ея интересахъ, не удалось добиться даже того, чтобы она прибыла въ Москву ради такой конъюнктуры.» И такъ держала себя въ далекѣ, что, со смерти Петра II до избранія Анны Ивановны на престолъ Русской Имперіи, и даже до самаго прибытія ея Елисавета не покидаетъ своего Слободскаго затишья, вдали смутнаго Двора, къ которому и возвратилась т лько привѣтствовать свою кузину, Императрицу Анну Ивановну. Въ первый годъ ея царствованія, бывшій еще при ней Посломъ Испанскимъ, Дюкъ Лирійскій, [15] упоминаетъ о пріѣздѣ въ Россію Инфанта Португальскаго, и между прочимъ сообщаетъ, отъ 17 Августа (28); 1730 г.: «Третьяго дня Принцесса Елисавета отправилась на одну изъ своихъ дачъ, отстоящую отъ этой столицы (Москвы) на 30 миль, [16] съ намѣреніемъ остаться тамъ на цѣлый мѣсяцъ, и всѣ того мнѣнія, что она отправилась изъ столицы въ этомъ случаѣ по убѣжденію Ея Царскаго Величества, дабы она (Елисавета) еще больше не разожгла сердца Сеньора Инфанта на канунѣ его отъѣзда.»

Перечень этотъ свидѣтельствуетъ о причинахъ удаленія Це-

---

[14] La cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1858, page 8.—Памятники новой Русской исторіи, Сборн. Кашперова, статья: Событія 1730 г., стр. 275. —Семевскій, Русское Слово 1859 г., № 2: Елисавета Петровна, стр. 235—236.

[15] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборн. Бартенева, книга III: Записки Дюка Лирійскаго: Письмо о Россіи, стр. 109.

[16] Испанская миля равно $3^1/_2$ Русскимъ верстамъ, что и составитъ 30 миль — 105 верстъ (см. Осьмнадцатый вѣкъ, Сбор. Бартенева, книга II, Письма о Россіи Дюка, стр. 98, внизу примѣчаніе переводчика). А разстояніе 105 верстъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному разстоянію Александровой Слободы (нынѣ г. Александрова) по большой трактовой дорогѣ отъ Москвы (см. Мѣсяцесловъ Академическій, именно отъ Москвы до Троицы—65, отъ Троицы до Алекса дрова 40 верстъ, до 1850 года).

саревны въ Слободу, близость которой отъ Двора, переѣхавшаго, съ Императоромъ Петромъ II, въ Февралѣ, 1729 г., въ Москву, еще болѣе способствовала къ частому ея посѣщенію, и къ концу этого года почти къ полному переселенію въ Слободу, которую не миновалъ, вѣроятно, и Императоръ — юноша, въ своихъ разъѣздахъ для охоты, для каковой цѣли приготовлялись всѣ подмосковныя Царскія дачи, [17] въ ихъ вотчинахъ, и не только подъ столицей, но и далѣе къ Ростову, отъ дороги, въ который недалека была и Слобода, и даже на самомъ пути; [18] да не она ли и упоминается Дюкомъ Лирійскимъ въ его Дневникѣ подъ именемъ Sathina, [19] куда Царь ѣздилъ охотиться въ Августѣ 1729 г., а въ Ростовъ, въ Маѣ того же года? Дозоръ Долгорукихъ не допускалъ, безъ сомнѣнія, совмѣстнаго пребыванія Царя съ теткой, но, не сморя на это, свиданія ихъ были, [20] и по всему, какъ надобно полагать, самыя искреннія, съ полною и пылкою откровенностью воспріимчивой души юноши-Императора и страстной Цесаревны.

Любимою потѣхою Цесаревны, по примѣру Царствующихъ особъ тогдашней Европы, а тѣмъ болѣе въ виду пристрастившагося къ ней Царствующаго своего племянника-Императора Петра II, была охота, во всѣхъ ея видахъ, ставшая, такъ сказать, современной модой. Ей-то она и посвящала все свое время въ Слободѣ, будучи въ душѣ страстной охотницей до псовой охоты за зайцами. Статная красавица, она выѣзжала верхомъ въ мужскомъ платьѣ и на Соколиную охоту, [21] для каковой забавы въ Слободѣ и имѣли Охотный дворъ на окраинѣ Слободы, къ лугу, по рѣкѣ Сѣрой, который до

---

[17] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, книга II, Письмо о Россіи Дюка Лирійскаго, стр. 64.

[18] Тамъ же, стр. 165. Черезъ нее шелъ древній путь въ Переяславль и далѣе въ Ростовъ.

[19] Тамъ же, стр. 180.

[20] Тамъ же, стр. 191.

[21] Выѣздъ на Соколиную охоту въ то время изображенъ на современномъ очень интереснымъ рисункѣ, помѣщенномъ въ Русской Старинѣ, изданіи А. А. Мартынова и И. М. Снегирева. Годъ 4-й (Москв. 1834), работы извѣстнаго соременнаго гравера Русскаго; Зубова, посыланнаго Петромъ I учиться этому искуству въ Голландію, уже успѣвшаго въ своемъ Вѣщеносномъ покровителѣ возбудить вполнѣ заслуженное вниманіе (См. Русскіе граверы, Ровинскаго.

сего времени называется Охотнымъ (нынѣ отчасти застроеннымъ фабрикою купца И. И. Баранова), гдѣ и тѣшилась Цесаревна напускомъ соколовъ, въ вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками бархатныхъ клобучкахъ съ бубенчиками на шейкахъ, мигомъ слѣтавшихъ съ кляпышей, прикрѣпленныхъ къ пальцамъ ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и кречетниковъ, жившихъ на томъ охотномъ дворѣ, гдѣ и содержались припаровленные сокола, нарядные сибирскіе кречета и ученые ястреба, такъ что этотъ Охотный дворъ былъ скорѣе Сокольней. Около нея стояла и Конюшенная Слобода, съ жившими въ ней стадными конюхами, у Государева Конюшеннаго двора, съ котораго, для Цесаревниного дворца и поставлялись лошади, заводъ [22] которыхъ въ Слободѣ славился еще при Петрѣ Великомъ, ея отцѣ, наслѣдовавшемъ все это отъ своего державнаго брата, Царя Ѳедора Алексѣевича, во все свое царствованіе неусыпно радѣвшаго о благосостояніи Слободы.

Псовую охоту Царевна предпочитала выѣздамъ на шалаши или чучела, словомъ, птичьей или вообще, такъ называемой, егерской, около Слободы въ пригородныхъ селахъ, окруженныхъ густыми лѣсами, было гдѣ потѣшиться въ отъѣзжемъ полѣ; и отсутствуя изъ своей Слободы, въ окрестныхъ ея селахъ и деревняхъ она имѣла также въ нихъ свои станы (ставки) — хоромы для своего ночлега, а близъ нихъ и охотные дворы.

Верстахъ въ 6-ти отъ Слободы, въ сельцѣ Курганихѣ, [23] какъ повѣствуетъ преданіе, Цесаревна имѣла свои хоромы для пріѣзда, и около него охотный дворъ—большую псарню; на этомъ мѣстѣ теперь, по сказанію старожилъ, пашня; при сельцѣ этомъ есть роща Волчья (Волковойна), гдѣ жили и выли, волки, и Цесаревна ѣзжала

М. 1870), и представившаго на своей гравюрѣ выѣздъ Петра II на Соколиную охоту въ подмосковномъ Измайловѣ.

[22] Миллеръ, Лексиконъ Географическій. М 1773, стр. 6-я, и моя статья: Петръ въ Александровой Слободѣ (1689 г.).

[23] Сообщено мѣстными старожилами крестьянами сельца Курганихи, которой послѣ Шубина П. А. владѣлъ И. П. Огаревъ, взявъ за женой, М. В. Акинфовой, въ приданое, у нихъ купилъ Генералъ Ладыженскій, а у него нынѣшній владѣлецъ В. Л. Катынскій.

на травлю ихъ. Въ этой рощѣ до сихъ поръ есть поляна, извѣстная по урочищу Костянная Сѣча, гдѣ постоянно попадаются кости, вѣроятно, отъ притравы. Сельцо Курганиха, по имѣющимся у насъ документамъ, значилось принадлежащимъ, въ 70 годахъ прошлаго вѣка, гвардіи Капитану Ивану Алексѣевичу Шубину, именно сыну извѣстнаго любимца Цесаревны Елисаветы Петровны Алексѣя Яковлевича Шубина; вѣроятно, Курганиха была его родовая вотчина, какъ надобно полагать не въ числѣ пожалованныхъ въ послѣдствіи; ибо въ имѣющихся у насъ жалованныхъ грамотахъ она не упоминается; къ тому же повѣствуютъ, что А. Я. Шубинъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика Владимирской Губерніи изъ окрестностей Александровой Слободы, съ каковою мѣстностью, въ послѣдствіи черезъ него Елисавета познакомилась и очень полюбила Слободу, вотчину еще тогда ея матери. Что полюбила она Слободу, это несомнѣнно. Дальнѣйшее изложеніе очертитъ ея намъ жизнь, и что Шубинъ, служа при ней, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оберегателемъ ея скудной казны, т. е., казначеемъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и обладателемъ ея страстно предавшейся ему души, это тоже вѣрно; ея влеченіемъ такъ сладостно и манило Цесаревну на раздолье въ родные края милаго сердцу.

Шубинъ А. Я. [24] (какъ намъ извѣстно) также былъ страстный охотникъ, и вотъ онъ, Цесаревна, неразлучный съ ней служитель, В. И. Чулковъ, [25] тоже уроженецъ изъ подъ Слободы, и также псовой охотникъ, наконецъ пристрастившійся къ ружейной охотѣ и едва ли не влюбленный въ Цесаревну; ея Лейбъ-Хирургъ, Лестокъ: вся эта компанія ревностно забавлялась охотой во всѣхъ ея видахъ, большую часть времени пребыванія въ эти дни Цесаревны [26] въ Слободѣ, куда, для этого рода развлеченія, ей положительно необходимо было удаляться, въ виду Царскаго Указа, 1728 г., Петра II, воспрещавшаго, въ личныхъ видахъ, охотиться около Москвы, на разстояніи 30 верстъ во всѣ стороны, подтвержденнаго и въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны (2 Апрѣля, 1730) по которому также воспрещалась охота за какими

[24] [25] Шубинъ А. Я. и Чулковъ В. И. будутъ предметомъ особыхъ очерковъ по матерьяламъ и документамъ изъ семейныхъ ихъ архивовъ.

[26] Относимъ это время къ концу 1728 и 1729 г. и далѣе до 1732 г.

бы то ни было звѣрями, кромѣ волковъ и медвѣдей, на разстояніи 20 верстъ отъ Москвы во всѣ стороны,[27] а Цесаревна была страстная охотница травить зайцевъ, и предпочитала это невинное удовольствіе всѣмъ прочимъ охотничьимъ вкусамъ.

«Атту его! Атту его!» съ пронзительнымъ свистомъ, дикимъ гиканьемъ, звучнымъ тявканьемъ гончихъ, вытянувшихся въ струну рѣзвыхъ борзыхъ, и оглушительнымъ грохотомъ арапника, мчалась, съ замираніемъ сердца, шумная ватага рьяныхъ охотниковъ, молодцовъ-удальцовъ, оглашая заглушье дворцовыхъ волостей Слободы, представлявшихъ широкій разгулъ для утѣхи Цесаревны, скакавшей на ретивомъ конѣ всегда съ неустрашимымъ быстролетомъ впереди всѣхъ; рядомъ несся любимый ея стремянный, Гаврила Матвѣевичъ Извольскій, а за нимъ доѣзжачіе, стаешники со сворами собакъ борзыхъ и гончихъ, въ причудливыхъ ошейникахъ, далѣе, кречетники, сокольники, ястребинники, съ своей птичьей охотой, всѣ на горскихъ коняхъ, со всѣмъ охотнымъ нарядомъ по росписи: ястребами, соколами и кречетами. Охотничій уборъ служителей былъ: мундиръ сукна зеленаго съ подбоемъ стамедянымъ, а для полевой ѣзды изъ сермяжнаго сукна, лосиныя по локоть рукавицы, у каждаго на груди перекрещивались два перевяза черезъ плечо; на смычкахъ одной егозили собаки, а на другой, смотря по званію, если волторнисть, то висѣлъ серебряный голосистый рогъ, а если былъ по егорской охотѣ, то мѣткое ружье; если же изъ птичьей охоты, то на клепышахъ держалъ нарядную сибирскую пернатую тварь. Всю эту шумную вереницу гульливаго люда, среди котораго блистали: красавецъ Шубинъ, весельчакъ Лестокъ, замыкалъ длиннымъ хвостомъ фурманскій обозъ съ вьютчиками.[28] Такъ полевала она около дворцоваго своего села Андреевскаго (въ 17 верстахъ отъ Слободы, по Юрьевской дорогѣ), гдѣ и указываютъ въ немъ мѣсто хоромъ, а близъ и любезный Охотный дворъ, для ея пріѣзда на охоту; память объ этомъ подъ дворцовымъ селомъ Ивановскимъ, Холуденевымъ тожь, доселѣ сохранилась въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ угодій—Царскими

---

[27] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева. М. 1869 г., книга II: Записки Дюка Лирійскаго за 1728 г., № 30.

[28] Росписи охоты Царской времени Петра II (1729 г.), въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., № 10.

мѣстами, все по пути переѣзжала она въ Опольщину, къ городу Юрьеву Польскому, на поле-гладь, гдѣ тѣшилась выпускомъ живыхъ или, какъ выражались тогда, саженыхъ зайцевъ, которыхъ и изволила осаживать борзыми, травя около него въ монастырскомъ селѣ Кучкахъ и въ сельцахъ Шетневѣ и М. Кузминскомъ, вотчинахъ участника въ ея охотѣ, тамошняго помѣщика, лихаго Петровскаго гвардейца, преданнаго его дочери, Лаврентія Никифоровича Стромилова.[29] Въ Кузминскомъ народное преданіе сохраняетъ память о томъ родникѣ на ключѣ, гдѣ Цесаревна пила воду: мѣсто это доселѣ осѣняется иконою Св. Елисаветы Мученицы, поставленной помѣщикомъ сельца, П. Г. Стромиловымъ, отъ чего и родникъ названъ Святымъ Колодцемъ.

Дочь Екатерины непомнящей родства, возросшая среди птенцовъ Великаго Петра, выводившаго ихъ изъ пирожниковъ и гостиподворцевъ, сама дитя любви, Елисавета Петровна, была чужда родовыхъ предразсудковъ и чванливыхъ понятій, вела себя просто, не гнушалась простолюдья: вечеръ у ней начинался шумнымъ весельемъ съ Слободскими дѣвушками, приходившими къ ней на посѣдки: онѣ ей играли простонародныя пѣсни, до которыхъ Цесаревна была страстная охотница,[30] будучи сама

---

[29] Лаврентій Никифоровичъ Стромиловъ, говорятъ (семейное преданіе, которое слышалъ отъ П. П. Стромилова своего дяди, а отъ своего дяди Н. Г. Стромилова, современника его сына, Александра Лаврентьевича, и отъ П. Н. Косогова, ближайшаго Стромиловыхъ сосѣда) служилъ при ней Егермейстеромъ и былъ истый охотникъ, равно и дальнѣйшее потомство его, и вообще Стромиловы извѣстны по Владимирской Губерніи какъ записные охотники псовые, отъ чего собаки Стромиловскія и Бабкинскія въ Губерніи въ славѣ. Говорятъ, что онѣ велись отъ взятыхъ съ Царской охоты. Сынъ его, Александръ Лаврентьевичъ Стромиловъ, въ чинѣ Поручика, въ 1782 г., въ городѣ Юрьевѣ Польскомъ былъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства.

[30] Цесаревнѣ приписываютъ всѣ о ней писатели (Снегиревъ въ Русской Старинѣ Покровское, Семевскій въ Русскомъ Словѣ, Любецкій въ Отголоскахъ Старины, а за ними повѣствователей того времени, и даже въ Собраніи Русскихъ народныхъ пѣсенъ, Ив. Прача, во 2 изд. части 2), что будто ею даже сочинена пѣсня: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой, разыгралась, расплясалась красна дѣвица душа, но наше мнѣніе и болѣе вѣрное изложеніе въ нашей же статьѣ (Ссыльныя монахини Александровскаго Успенскаго монастыря), по сочетанію въ ней словъ: «Покровское, Дуняша пріѣзжаетъ изъ Санкт-Питера,» наводитъ невольно на Покровскую обитель, Царицу Авдотью, а «пріѣзжаетъ изъ Санкъ-Питера» на Глѣбова. Должно

прекрасная голосистая пѣвица; запѣвалой у ней была извѣстная въ то время по Слободѣ пѣвица Марѳа Чеганха (потомство ея до сихъ поръ проживаетъ въ г. Александровѣ); за это Царевна ихъ угощала разными лакомствами и сластями: пряниками-жмычками, цареградскими стручками, каленымъ орѣхами, мэковой избойной и другими вкусными заѣдками, а сама иногда тутъ съ ними на посидкахъ, когда онѣ работали, занимались рукодѣльями, пряла шелкъ, ткала холсты; зимою же объ Святкахъ собирались къ нейряженные Слободскіе парни и дѣвки, и тутъ разливался простодушный разгулъ: начинались пляски, присядки, веселыя и удалыя пѣсни, гаданья съ подблюднымъ припѣвомъ, словомъ, шелъ, такъ сказать, пиръ горой. Сама Царевна, подъ вліяніемъ бархатнаго пивца, да сладкаго медку, да праздничной бражки, бойко и мастерски отдѣлывала съ ними всѣ Русскія пляски, до которыхъ она всю жизнь свою была большая охотница; а на масляницѣ у своего дворца (противъ церкви Рождества) собирала Слободскихъ дѣвушекъ и парней кататься на салазкахъ, связанныхъ ремнями, съ горы, названной по дворцу Царевнину—Царевою, съ которыми и сама каталась первая; на житномъ дворѣ въ Слободѣ (около Староконюшенной, гдѣ нынѣ домъ купца А. М. Зубова) хранились долго длинныя сани, на 4 человѣка, Царевны Елисаветы Петровны. Той же широкой масляницей вдругъ вихремъ мчится по улицамъ ликующей Слободы тройка удалая: лѣвая кольцомъ, правая еле духъ переводитъ, а коренная на всѣхъ рысяхъ съ пѣной у рта: то тѣшится любезная матушка, хозяйка Слободы, Цесаревна, покрикивая удалому гвардейцу красавцу-возницѣ Русскую охотничью присказку: «Машу не кнутомъ, а голицей». Словомъ сказать, раздолье, удальство и молодечество неслось за Елисаветой вездѣ по Слободѣ.

До какихъ предѣловъ доходило это веселье, не безъ ревностнаго чествованія Бахуса, стойко внѣдрившагося въ Русскомъ быту со временъ Петра, введшаго его во всѣ слои тогдашняго общества, вѣроятно, слѣдуя въ этомъ случаѣ Европейской тогда модѣ «натянуться», словомъ, какъ была заражена этимъ общественнымъ недугомъ Елисавета, съ своимъ придворнымъ людомъ, правдиво и откровенно свидѣтельствуетъ Дюкъ Лирійскій, въ своихъ

думать, что они полны позднѣйшей передѣлки. Она напечатана во 2 изданіи пѣсенъ Ив. Прача, 1815 г., съ нотнымъ напѣвомъ.

до мелочи подробныхъ запискахъ: «Истребленіе вина, которое дѣлается въ домѣ Царевны Елисаветы, такъ велико, и такъ обходится дорого, что когда Верховный Совѣтъ въ прошедшіе дни увидѣлъ счеты, то нашелъ нужнымъ приказать, чтобы впредь въ счетахъ было больше благоразумія, и рѣшилъ не отпускать ничего безъ требованій Майордома Принцессы, Нарышкина (Гоффмейстеръ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ) А этотъ, видя безпорядокъ въ домѣ и невниманіе хозяйки къ его представленіямъ, не хочетъ ни во что вмѣшиваться.» Вотъ что пишетъ Дюкъ, [31] отъ 19 (30) Августа, 1728 г., именно вскорѣ, или тотчасъ «по возвращеніи изъ Слободы Елисаветы, которая, нѣсколько нездоровая отъ дорожнаго утомленія, лежитъ теперь въ постелѣ». Вообще Дюкъ рисуетъ ея нравственный характеръ черными красками, изображая ее падкой на всѣ возможныя и непозволительныя удовольствія для нея, тѣмъ болѣе, какъ дѣвицы, а особенно какъ Царевны. «Предаваясь наединѣ (въ Слободѣ) собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, дѣлаетъ это съ такою ужасною публичностью, что доходитъ до безстыдства»; онъ же продолжаетъ: «съ каждымъ днемъ поведеніемъ все дѣлается хуже и хуже: она безъ стыда дѣлаетъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ». Словомъ, поведеніе Цесаревны было на столь предосудительно, если не сказать болѣе, что невольно вызвало въ наблюдательномъ Дюкѣ столь правдивый отзывъ.

Пьянство и развратъ, овладѣвшія тогда всѣми Дворами Европы, а тѣмъ болѣе достигшія гнуснѣйшаго развитія при Дворѣ Петра II-го, хотя и юноши, но не по лѣтамъ страстнаго, ободряемаго яростными подвигами своего любимца-куртизана, не могли не подѣйствовать на впечатлительную Елисавету.

Еще при жизни матери, распаляемая постоянными сватовствами, какъ къ ней, такъ и объ ней, преслѣдуемая видами на нее Князя Меньшикова за сына, Князя И. Долгорукаго лично, и Императора Петра II, по уши влюбившагося въ нее; словомъ, вся эта возбуждающая обстановка не могла не повліять на нравственную сторону добраго характера Цесаревны, и роскошная ея натура страстно рвнулась предвкусить прелести брачной жизни, и въ

[31] Записки Дюка Лирійскаго. Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, книга II, стр. 42, 80, 99, 147, 151, 152.

этомъ-то уединенномъ наслажденіи съ «возлежащими» и летѣло въ Слободѣ житье-бытье Цесаревны, ясно выражающее беззаботный строй жизни, преобладавшій въ ней до заката ея дней.

Обратимся къ дальнѣйшему повѣствованію мѣстнаго преданія.

Цесаревна любила смотрѣть на игры Слобожанъ, метала изъ окна Дворца пригоршнями деньги, поднимаемыя на расхватъ, забавлялася хороводами, которые водила красная сѣнная дѣвушка, съ шумными припѣвами круговыхъ пѣсенъ на широкомъ лугу, на которомъ высилась и качель (мѣсто это доселѣ называется Царскимъ лугомъ, противъ дома Н. М. Соколова), отъ близъ стоявшаго тутъ нѣкогда дворца Царскаго, [32] видавшаго въ своихъ стѣнахъ чаще всего Царя Ѳедора Алексѣевича, а также Царя Алексѣя, и другого его сына, Петра, по Указу котораго онъ и переданъ, вмѣстѣ съ бывшимъ тутъ издавна, едва ли не со временъ Грознаго, садомъ, по чему и нынѣ эта часть города называется Садовней, сосѣднему съ нимъ монастырю Успенскому. Каталась Царевна по рѣкѣ Сѣрой, зимой на копькахъ, а лѣтомъ на лодкѣ. Эти два «Государева пруда», нынѣ извѣстные подъ названіемъ Зорныхъ, обмелѣли, и теперь луговина позади кузницъ по дорогѣ изъ г. Александрова въ г. Киржачъ.

Ходила Цесаревна въ любимой и такъ бывшей къ лицу мужской одеждѣ, также и въ сарафанѣ: шилъ на нее посадскій житель Слободы, извѣстный тамъ портной, какъ искусникъ по своему мастерству, такъ и пьяница-гуляка, Алексѣй Ѳедоровъ Санковъ, [33] и когда онъ приходилъ снимать съ нея мѣрку, то робѣлъ и руки дрожали, а Цесаревна приговаривала: «не робѣй, не робѣй!» Посѣщала Слобожанъ, крестила у нѣкоторыхъ изъ обывателей дѣтей, мѣняла, за разныя оказанныя ими услуги, ихъ прозвища, такъ: Жихаревыхъ на Первушиныхъ, Курсиныхъ на Люби-

---

[32] См. мою статью: Петръ въ Александровой Слободѣ (1689 г.), въ Вѣстникѣ Политехнической Выставки за 1872 г. № 46, и Цѣнинныя печки, бывшія въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Александровой Слободѣ; см. въ Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, неоффиц. часть, 1863 г., № 48.

[33] Его потомства Орина Герасимовна Санкова (или, какъ звали, Санчиха, старуха 85 л. († 1852 г.), передавала своимъ дѣтямъ всѣ эти, дошедшіе до нея преемственно, разсказы своего предка, а намъ ими сообщено и мною изложено въ этомъ очеркѣ, исправляющемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ разсказа, напечатаннаго въ Молвѣ 1857 г., № 18.

мовскихъ. Пріѣзжая въ Слободу, Цесаревна навѣщала и ближнихъ Бояръ, сосѣдей-помѣщиковъ, проживавшихъ въ своихъ вотчинахъ подъ Слободою. Въ смежномъ съ Слободою с. Крутцѣ (въ 2-хъ верстахъ) жилъ его опальный помѣщикъ, знаменитый птенецъ ея Великаго отца, достойный его подвижникъ и сторонникъ ея матери, обязанной ему вмѣстѣ, съ Меньшиковымъ, своимъ возведеніемъ на престолъ, доблестный Петровскій Генералъ, маститый Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, [34] сосланный въ эту родовую свою вотчину, съ Мая 1727 г., неблагодарной Императрицей Екатериной I, уступившей настоянію, въ своихъ видахъ, К. Меньшикова, по Царскому ея Указу, 6 Мая, 1727 г., вѣроятно, также какъ и прочіе Указы и государственные акты, подписанному Елисаветой, [35] слѣдовательно, уже знавшей о своемъ знаменитомъ сосѣдѣ. Интересна должна быть ихъ первая встрѣча: быть можетъ, горечь ея была смягчена совмѣстнымъ посѣщеніемъ доблестнаго старца, Цесаревны Елисаветы, съ ея тогда «рабомъ», А. Б. Бутурлинымъ, приходившимся по родству Ив. Ив. Бутурлину троюроднымъ братомъ, и спѣшившимъ утѣшить опальнаго героя своимъ родственнымъ пріѣздомъ въ сельскій храмовой праздникъ, посвященный Успенію Богоматери, тщаніемъ прадѣда Ивана Ивановича Бутурлина, Боярина Окольничаго Андрея Васильевича, построенный въ с. Крутцѣ. [36] Въ старину эти посѣщенія, въ особенности къ такому дорогому дню, цѣнились глубоко съ неподдѣльной теплотой души, а тѣмъ болѣе роднымъ, бывшимъ при Дворѣ «въ случаѣ». Старецъ съ замираніемъ сердца встрѣчалъ дочь своего обожаемаго благодѣтеля, каковую радость спѣшила раздѣлить съ нимъ и его почтенная супруга (урожд. Савелова), нерѣдко навѣщавшая Слободу, ея Цесаревну-хозяйку и тамошній монастырь, гдѣ жила ея родственница, привлекшая вниманіе къ нему какъ самого Ивана Ивановича, такъ и всей его семьи. Старецъ не думалъ о мірѣ семъ и не льстилъ себя надеждою вернуться къ его суетамъ; напротивъ, какъ истинный вотчинникъ

---

[34] Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей. М. 1836 г., т. 1-й.

[35] Семевскій, Царевна Елисавета Петровна, Русское Слово 1859 г., Февраль, стр. 227-228.—Бантышъ-Каменскій Словарь достоп. людей. М. 1836 г., часть 1.—Долгорукаго Россійской Родословной книги часть 2.

[36] Замѣчательна подпись на храмоздательномъ крестѣ деревянной церкви с. Крутца.

помѣщикъ предался, въ очаровательномъ по мѣстоположенію Крутцѣ, глубокому раздумью о своихъ былыхъ дняхъ, завершивъ все неусыпнымъ благоговѣніемъ къ святынѣ сосѣдней обители Успенской, и раченіемъ о благосостояніи своего скуднаго имѣнія, недостававшаго для поддержанія значительнаго семейства, состоявшаго изъ сыновей: Юрія, Николая, Аркадія и Сергѣя, служившихъ уже въ то время въ полкахъ и требовавшихъ подмоги родительской, да дочери Анны, бывшей въ замужствѣ за Сергѣемъ Автономовичемъ Головинымъ.

Другой, гораздо именитѣе, сосѣдъ былъ второй и послѣдній Князь-Кесарь Петра I, Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, пріобрѣтшій женитьбою на Анастасьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, родной сестрѣ Царицы Прасковьи, супруги Ивана Алексѣевича, въ приданое за нею с. Рюминское, со всѣмъ пятисоткомъ, какъ тогда выражались, число душъ мужескаго пола въ приписанныхъ къ нему деревняхъ, доставшихся отцу Анастасіи, Александру Ѳедоровичу Салтыкову изъ дворцовыхъ подслободскихъ волостей, тянувшихся приписныхъ къ Слободѣ, изъ каковыхъ Салтыковъ, ради счастливаго событія въ его семействѣ, выхода замужъ его дочери за Царя, и былъ, въ 1688 году, Царской жалованной грамотой верстанъ онымъ помѣстьемъ, перешедшимъ въ вотчину къ единственной дочери Князя Ромодановскаго, Екатеринѣ Ивановнѣ, почти сверстницѣ Цесаревны Елисаветы, веселой подругѣ въ ихъ нерѣдкихъ свиданіяхъ у тетки Елисаветы, Царицы Прасковьи, въ Измайловѣ.

Князь-Кесарь Иванъ Ромодановскій, также, по духу времени, страстный охотникъ, какъ и его отецъ, удивлявшій всю тогдашнюю Русь своею соколиною охотою, ѣзжалъ нерѣдко въ свое помѣстье потѣшиться на раздольѣ любезною забавою, изъ Москвы, своей резиденціи, гдѣ, управляя Преображенскимъ Приказомъ, вѣдалъ ею первопрестольной, какъ ея Генералъ-Губернаторъ, выбывъ изъ каковой должности по прошенію, 4 Апрѣля, 1729 г., предался положительно своей любезной утѣхѣ, звѣриной травлѣ, псовой охотѣ и напуску соколиному, въ ближней подмосковной своей вотчинѣ, с. Рюминскомъ [37] (отъ Слободы въ 15 верстахъ), куда ему сопутствовали нерѣдко и дочь, Екатерина Ивановна, съ мужемъ, Графомъ Михайломъ Григорьевичемъ Головнинымъ. Пріѣз-

[37] На большой дорогѣ искони древней въ г. Переяславль, тянувшейся изъ

ды дочери, на пути заѣзды въ Слободѣ къ Цесаревнѣ, вызывали взаимно и Елисавету на посѣщеніе маститаго старца, Князя-Кесаря,— оригинальную забаву Петра, ея Великаго отца, въ разрядѣ «птенцовъ» котораго не были чуждыми и Князья Ромодановскіе.

По сосѣдству съ Княземъ Ромодановскимъ живалъ по временамъ тоже истый «птенецъ» Петра, извѣстный дѣлецъ своего времени, знаменитый его Кабинетъ-Министръ, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, въ своемъ помѣстьѣ, сельцѣ Балакиревѣ, [38] ставшемъ, съ сосѣднимъ, ему же принадлежащимъ, с. Жилинымъ, родовою вотчиною его многочисленнаго потомства, [39] сохранившаго, какъ родовую святыню, благословеніе Великаго Петра, своего любимца Кабинетъ-Министра Макарова, древній замѣчательной по искусству филигранной работы серебряный крестъ съ финифтивыми, вдѣланными въ него, досками съ изображеніями угодниковъ Божіихъ, коихъ части мощей помѣщены въ оном. [40] Чествованіе этого драгоцѣннаго креста мѣстными жителями еще болѣе увеличилось въ дни общественныхъ бѣдствій, какъ то: хо-

---

Москвы черезъ Слободу. Между старожилами с. Рюминскаго и деревень его прихода, намъ удалось слышать интересные разсказы (нами записанные) изъ преданій о житьѣ-бытьѣ ихъ господъ, и въ статьѣ нашей о А. Я. Шубинѣ сообщены будутъ ихъ воспоминанія о барской охотѣ, Княжьей важности и Царской милости.

[38] С. Балакирево соименно знаменитому П. Е. Балакиреву, шуту придворному отъ Петра до Елисаветы, принадлежало тоже Балакиреву, не этому, а другому, «Ивану Васильевичу Балакиреву, Переславля Залѣсскаго вотчиннику, явившемуся собою, въ 1717 г., въ Спб. для опредѣленія въ войска Финляндскаго корпуса.» (Дѣло о приговор. Сената по разрядному столу 1715—1719 гг., книга № 4 (644). Настоящему помѣщику А. Н. Красюку досталось оно отъ дальней его родственницы, Н. С. Макаровой, по мужу Ник-Никол. Макарову, прямому потомку А. В. Макарова, а также и рожденной Макаровой, тоже отрасли того же рода. См. мою статью: «Сельцо Балакирево», во Владимірск. Губ. Вѣдом. за 1872 г. Неоффиц. часть.

[39] Потомство это проживаетъ доселѣ въ Переславскомъ и Юрьевскомъ Уѣздахъ въ своихъ имѣніяхъ; отъ нихъ нами пріобрѣтено много важныхъ документовъ и свѣдѣній для біографіи А. В. Макарова и его рода. Собиралъ тоже матеріалы для біографіи А. В. и покойный Сенаторъ М. И. Топильскій, предки котораго находились въ родственныхъ отношеніяхъ къ А. В. Макарову, и объ немъ у него было собрано немало данныхъ, а пора бы появиться обстоятельному жизнеописанію объ такомъ дѣятелѣ своего времени и эпохи Петра Великаго.

[40] Крестъ этотъ, по замѣчательности его рисунка, желательно было бы видѣть

леры 1831 и 1848 г.: тогда служили ему молебны, и почтенный наслѣдникъ этой святыни, настоящій помѣщикъ сельца Балакирева, А. Н. Красюкъ, свято чтя эту драгоцѣнную родовую святыню, хранитъ ее благовѣйно въ своемъ домѣ въ оном имѣніи.

Алексѣй Васильевичъ навѣщалъ свои помѣстья, изрѣдка проживая то въ Балакиревѣ, около Слободы (въ 10 верстахъ), то въ с. Богословскомъ, деревенькѣ тожъ, на пути изъ Слободы въ г. Юрьевъ. Сюда удалялся онъ не для страстнаго разгула, а отдохнуть отъ неусыпныхъ государственныхъ подвиговъ, отдохнуть душевно и тѣлесно и, какъ благовѣйный чтитель своего благодѣтеля, разумѣется, сердечно радовался посѣщеніямъ его дочери, заѣзжавшей на краткій отдыхъ въ его семьѣ съ отъѣзжаго поля, изъ своихъ близкихъ къ нему дворцовыхъ вотчинъ. Принимая Цесаревну Елисавету Петровну, Макаровъ вспоминалъ о своей единственной дочери, Елисаветѣ, [41] быть можетъ и названной этимъ именемъ «въ честь» дочери своего благодѣтеля, да къ тому же, можетъ быть, и сверстницѣ по годамъ съ Цесаревной, во всякомъ случаѣ извѣстной Елисаветѣ Петровнѣ, въ царствованіе которой А. В. и кончилъ жизнь свою († 1750 г.). Вотъ плеяда тѣхъ птенцовъ Петра Великаго, дочь котораго въ Слободѣ, ея вотчинѣ, они, быть можетъ и не безъ внутренняго негодованія, видали вдали отъ престола, похищеннаго у ней злополучной интригой и собственною безпечностью, не смотря на горячія убѣжденія искреннихъ поклонниковъ, друзей, въ средѣ которыхъ А. Я. Шубинъ,

---

помѣщеннымъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ изданій, или Археологическихъ сборниковъ.

[41] Елисавета Алексѣевна († Мая 1782 г.), единственная дочь Алексѣя Васильевича Макарова, была замужемъ за Княземъ Михайломъ Никитичемъ Волконскимъ (1713—1788 гг.), Главнокомандующимъ въ Москвѣ при Екатеринѣ II (см. о немъ и перепискѣ его съ Екатериной въ ст. Бартенева: «Люди и дѣла прежняго времени по автографамъ», въ жур. Зритель 1863 г. № 12 и слѣдующія). Единственный сынъ Князя Волконскаго и Елисаветы Алексѣевны, урож. Макаровой, былъ Князь Павелъ († 1808 г.) бездѣтный; онъ былъ очень любимъ своими крестьянами с. Раменскаго (Калязинскаго Уѣзда Тверской Губ.); есть даже о томъ особая книжка: «Благодѣтельный помѣщикъ Князь Павелъ Михайловичъ Волконской (М. 1808 г.). Дочь Князя М. Н. Волконскаго и Елисаветы Алексѣевны, Княжна, Анна Михайловна, вышла замужъ за Фельдмаршала Князя Прозоровскаго, современника Екатерины II, Главнокомандующаго въ Москвѣ, и отъ нея произошли нынѣшніе Князья Голицыны-Прозоровскіе.

по-сердечному своему въ то время положенію, едва ли не больше всѣхъ могъ разсчитывать на довѣріе своей обожаемой Цесаревны, таинственно вліявшей на его товарищей гвардейцевъ, между которыми неосторожно имъ произнесенное слово дало пищу языку, ужасному «языку» того времени, по чину еще ужаснѣйшему, «слово и дѣло», за которымъ слѣдовали застѣнокъ, пытка, опала и ссылка.

Довело это слово и Шубина до безвѣстной ссылки въ почти непроницаемую глушь отдаленнѣйшей части Сибири.

II

Горестная судьба Шубина, ссылка въ Сибирь, въ 1731 году, и постигшая съ нимъ разлука на первыхъ порахъ глубоко запечатлѣлась въ воспріимчивой душѣ искренно его любившей Цесаревны Елисаветы Петровны. По своему характеру, набожному до крайности и крайне суевѣрному, она спѣшитъ въ свою Слободу, въ тамошній, ей извѣстный, Успенскій дѣвичій монастырь, въ теплой мольбѣ излить свою скорбь, думая даже и окончательно отрѣшиться отъ суетнаго свѣта, принявъ иноческій санъ, въ этомъ монастырѣ [42] любезной ей Слободы, который и прежде, въ бытность свою въ ней, нерѣдко посѣщала, и даже нарочно отправлялась изъ Москвы на богомолье, къ его главному празднику, Успенія Богоматери, что вполнѣ подтверждается и дневникомъ Дюка Лирійскаго, отмѣчавшаго отъѣзды Елисаветы въ слободу, всегда совпадавшія съ этимъ праздникомъ. [43]

Быть можетъ, эту мысль породили, кромѣ горестнаго чувства, и внѣшнія обстоятельства, личныя недоброжелательства Императрицы Анны Ивановны, какая-то фальшивость положенія отно-

---

[42] Mémoirs du prince Pierre Dolgorouki. Genève, 1867, t. I, chapitre 1, page 47—49, откуда дословно извлечено Васильчиковымъ въ его статью: Семейство Разумовскихъ, стр. 267. Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, кн. II.

[43] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборн. Бартенева, книга II, стр. 98, въ 1728 г.; далѣе стр. 169—180, въ 1729 г.; книга 3 стр. 109, въ 1730 г., Поѣздки въ Слободу къ Успенью.

сительно ея, въ виду послѣдовавшихъ событій по ссылкѣ ея любимца Шубина, даже предполагавшей заточить ее въ монастырь, "но только ревностное, не безкорыстное, впрочемъ, заступничество Бирона спасло Елисавету отъ тѣснаго заточенія въ монастырѣ, но далеко не при свободѣ дѣйствій: безъ зову не являться къ Императрицѣ, предваряя ее просьбой о пріемѣ, воспрещалось ей дѣлать у себя ассамблей; [45] словомъ, жизнь полная стѣсненій, огорченій и вообще того натянутаго положенія, которое дѣлало ее не лучше монастыря.

Монастырь въ жизни Елисаветы, при всѣхъ переворотахъ тогдашняго Двора, являлся всегда для нея грозой, [46] при каждой перемѣнѣ правленія: при восшествіи матери на престолъ (1725 г.), составлялся заговоръ заключить ее съ матерью въ монастырь; при Петрѣ II Долгорукій, а преимущественно любимецъ его, Князь Иванъ Алексѣевичъ, неудачный искатель руки и сердца Елисаветы, мстилъ ей угрозой посадить въ монастырь (1729 г.), «ради, будто бы, ея непотребностей и безстыднаго поведенія»; при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ (1731 г.) та же доля; словомъ сказать, монастырь сталъ для нея какъ бы «предѣломъ, его же не прейдеши.»

И вотъ въ Слободу, не той уже развязной Елисаветой прибыла Цесаревна: теперь все пошло у ней тишь да гладь, да Божья благодать. Вдали отъ козней злополучнаго Двора и суетныхъ неистовствъ столицы, Цесаревна коротала дни свои, посвящая большую часть времени, подъ вліяніемъ грустнаго чувства, услаждающей мольбѣ: слушала заутрени, обѣдни и вечерни, ежедневно въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, монахини котораго [47] тогда были извѣстны, какъ и нынѣ, своимъ стройнымъ пѣніемъ и согласною службою; сама пѣвала тамъ дискантомъ, имѣя при

---

[44] Манштейнъ, перев. Мальгина. М. 1823 г., часть I, стр. 77.

[45] Семевскій, Елисавета Петровна до воцаренія. Русское Слово, 1859 г., Февраль, стр. 240—241.

[46] Тамъ же, стр. 223, 224 и 240.—Осьмнадатый вѣкъ, Сборн. Бартенева, книг. II: Записки Дюка Лирійскаго, стр. 111, 161, 186.

[47] Географическій Лексиконъ Россійскаго Государства, Миллера. Москва, 1773 г., стр. 6.

себѣ [48] въ бытность свою, онаго монастыря монахиню, старицу уставщицу Александру. Изъ ближняго къ монастырю дворца, извѣстнаго подъ именемъ Стараго (современника Царямъ Петру, Ѳедору и Алексѣю и т. д.), преданіе повѣствуетъ, что для нея въ оградѣ монастыря была пробита дверь, какъ видно нынѣ заложенная, и къ ней вела отъ дворца торная тропа черезъ, такъ называемый, Царскій лугъ. За церковью Богоявленія, Дьяконъ Христо-Рождественскаго Собора, О. Александръ, дѣдъ нынѣшняго Дьякона, Ѳедора Петровича, имѣющаго 80 лѣтъ, передавалъ внуку своему, что «онъ самъ нерѣдко видалъ въ обители, горячо молившуюся предъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, грустную Цесаревну.»

Такое душевное настроеніе побуждало Цесаревну и дома заниматься [49] чтеніемъ духовныхъ книгъ и бесѣдами съ сосѣдями обители, искренно радовавшейся ея посѣщеніямъ, памятуя вниманіе ея отца къ монастырю, облагодѣтельствованному многими его милостивыми Указами о хозяйственныхъ нуждахъ монастыря. Трудилась она и въ рукодѣліяхъ, вышиваніи разной церковной утвари, пряла шелкъ, ткала холсты. Къ тому ли времени, или гораздо позднѣе, послѣ ея вступленія на престолъ, принадлежатъ ризы шелковыя съ травами и золотыми оплечьями, съ таковымъ же стихаремъ и воздухами, хранящіяся въ церкви села Андреевскаго-Государева, [50] въ 17 верстахъ отъ Слободы Александровой, по большой Юрьевской дорогѣ и, какъ говоритъ мѣстное преданіе, еще въ тогдашнюю деревянную церковь онаго села пожертвованныя Цесаревною Елисаветою Петровною. Нѣтъ сомнѣнія, это вкладъ Цесаревны, и тщаніемъ ея, тѣмъ болѣе, что, даже во время своего царствованія, она была щедра для такихъ приношеній. [51]

Ходила она въ то время въ одеждѣ темнаго цвѣта и покрывалась таковаго же цвѣта шапочкой. Такъ коротала дни свои Цеса-

---

[48] Архивъ Кн. Воронцова. М. 1870, книга I, стр. 26 и 60.

[49] О пребываніи въ это время сообщено по разсказамъ монахини Успенской обители, Аполлинаріи, умершей, на 110 году отъ рожденія, назадъ тому 30 лѣтъ (это было въ 1857 г.).

[50] Сообщено Священникомъ онаго села, О. Авраміемъ Аѳонитскимъ.

[51] Семевскій, Елисавета Петровна до воцаренія. Русское Слово, 1859 г., Февраль, стр., 334, и Августъ 324.

ревна, и Елисавету узнать нельзя было: куда дѣвались и разгулъ и удальство!

Успенскій дѣвичій монастырь въ Александровой Слободѣ съ возникновеніемъ своимъ сталъ Государевымъ моленіемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ его неоднократно, какъ нарочно, такъ и по пути; объ этомъ свидѣтельствуютъ «Царскіе выходы». Тоже извѣстно и объ сынѣ его, Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, во все время своего царствованія ежегодно посѣщавшемъ своимъ богомольнымъ шествіемъ эту любимую имъ обитель; послѣ него бывали въ ней и Царевна Софья съ Царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ и сестрами, навѣщая ее на пути своихъ богомольныхъ поѣздокъ въ Переславль Залѣсскій, Суздаль, Ростовъ, куда постоянно шествовали и ея державные предки, равно дѣдъ, отецъ, братъ, обогащая обитель, какъ и всѣ Царевны и Царицы, своими Царскими вкладами. И такъ монастырь Успенскій гордился своими державными богомольцами и слылъ уже тогда подъ именемъ «Царскаго монастыря, Государева моленія». Но вотъ Царь Петръ Алексѣевичъ, [52] которому онъ извѣстенъ съ дней ранней его юности, когда онъ въ Александровой Слободѣ упражнялся съ Гордономъ и потѣшными въ конныхъ экзерциціяхъ, даетъ ему, въ началѣ своего царствованія, другое назначеніе, изъ почтеннаго молитвеннаго и съ вкладами по немъ его матери, Государева моленья, дѣлаетъ его Государевымъ заточеніемъ, мѣстомъ ссылки повинныхъ инокинь, и то, такъ сказать, именитыхъ по времени, или изъ особъ Царскаго семейства: ссылаетъ сестру свою инокиню Маргариту (Царевну Марѳу Алексѣевну), и ею открываетъ рядъ ссыльныхъ монахинь, во все свое царствованіе, изъ, такъ называемыхъ, секретныхъ, требовавшихъ крѣпкаго караула и строгаго дозора, какъ то: Варсонофію Казанскую, изъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря въ Суздалѣ, Игуменью Марѳу и старицу Каптелину; но, не смотря на это, монастырь не лишенъ былъ особаго Царскаго вниманія, «состоя», въ царствованіе Петра Великаго, «особливо подъ собственнымъ призрѣніемъ Ея Величества, Императрицы Екатерины Алексѣевны, и безъ ея Указу, хотя бы и изъ монахинь, никого туда опредѣлить вновь не возможно». Петръ самъ, памятуя обитель, которую, разумѣется, навѣщалъ неоднократно въ

[52] См. мою статью: Петръ въ Александровой Слободѣ, въ Вѣстникѣ Политехнической выставки за 1872 г.

свое царствованіе, посылалъ милостивые указы и памяти, касающіеся хозяйственныхъ нуждъ монастыря, бывшаго при томъ все же въ значеніи ссыльнаго монастыря.

Современно посѣщеніямъ Елисаветы своей Слободы, была заточена, съ 15 Октября, 1727 г., по 18 Мая, 1728 г., въ этомъ монастырѣ именитая свояченица Князя Меньшикова, Варвара Михайловна Арсеньева, несчастная жертва паденія Меньшикова, ея давнишняя знакомая а, быть можетъ, и воспитательница, вмѣстѣ съ сестрой своей, Дарьей Михайловной, бывшей за Княземъ и наблюдавшей, по порученію Петра и Екатерины, за ихъ первородками-дочерьми, и, памятуя это, Цесаревна, бывая въ Слободѣ, навѣщала Арсеньеву, къ которой въ монастырь ѣзжала и жена Ивана Ивановича Бутурлина, урожденная Савелова, пріѣзжавшая туда изъ подъ Слободской вотчины тамъ жившаго своего мужа, с. Крутца, къ одной ближайшей своей родственницѣ. Состояніе монастыря въ то время, когда Слободу навѣщала Елисавета; наконецъ, когда часы скорби возбудили ревностное почитаніе ея святыни; словомъ, весь періодъ Елисаветина времени до ея кончины, постараемся изложить по найденнымъ документамъ въ монастырскомъ архивѣ, а главное по уцѣлѣвшимъ Описямъ за тѣ годы.

Успенскій дѣвичій монастырь, по Описи 1727 г., Мая 30 дня, обнесенный высокой каменной оградой, мѣрою 100 саж. въ длину и поперечья каждой изъ 4-хъ сторонъ, съ 4 по угламъ такими же башнями, изъ коихъ 3 съ деревянными ветхими кровлями, а одна не покрытая вовсе, вмѣщалъ въ себѣ 6 каменныхъ, крытыхъ тесомъ, церквей, съ десятью въ нихъ престолами, именно: 1) Успенская, съ главнымъ престоломъ во имя Успенія и придѣлами въ честь: Іоанна Предтечи и Маріи Египетской; 2) Живоначальной Троицы, съ предѣлами Сергія Радонежскаго и Симеона Богопріимца; 3) Покрова Богоматери; 4) Срѣтенская; 5) Ѳеодоровская на Святыхъ вратахъ, и 6) Распятская, съ высокой съ часами колокольней своеобразнаго рисунка по зодчеству.

Ни древность обители, ни прочный, въ обширныхъ размѣрахъ, стиль зодчества, далеко не возбуждали рачительнаго вниманія начальства обители къ внѣшнему благолѣпію: все было ветхо, начиная съ кровель, изъ коихъ одна только и была желѣзная; да и самое желѣзо обломалось, кирпичъ обвалился, камень тоже по стѣнамъ далъ разсѣлины отъ течи; словомъ сказать, обитель далеко была не въ цвѣтущемъ состояніи, обличавшемъ, напротивъ

полную небрежность къ этому, нѣкогда въ исторіи достопамятному, мѣсту.

Подъ церквами, въ обширныхъ каменныхъ подвалахъ, нѣкогда темницахъ Грознаго, помѣщались хозяйственныя потребности обители; такъ, подъ Успенской была квасная, подъ Покровской трапеза, хлѣбенная и поваренная, а при Срѣтенской и больница для сестеръ, которыя и размѣщались по обители въ 50-ти каменныхъ и 10 деревянныхъ, крытыхъ тесомъ, кельяхъ, стоявшихъ глаголемъ, подъ прямымъ угломъ въ двухъ линіяхъ, въ которыхъ нѣкоторыя имѣли свое особенное назначеніе, на примѣръ: были кельи житныя, строителева, духовникова, игуменьина, черпальная (красильня для монашеской одежды), келарская; сзади ихъ нѣсколько деревянныхъ житницъ и скотный дворъ, въ описываемое время, на которомъ было 3 жеребца стоялыхъ, 52 рабочихъ лошадей и мереновъ, 60 кобылъ, подростковъ 22, и того 137 головъ, да рогатаго, крупнаго и мелкаго, скота 86 головъ, овецъ 34, и того 120 головъ; удобреніе его давало возможность вести сельское хозяйство на пожалованной оному монастырю пашни и съ пустошью 75 десятинъ «въ полѣ, а въ дву по тому жъ», тѣмъ болѣе, что оброчнаго хлѣба не было.

Пашня съ воздѣлываніемъ своимъ и уборкою произраставшихъ по ней хлѣбовъ, скудностью своихъ урожаевъ, далеко не удовлетворяла нужды обители.

Перечневая вѣдомость о посѣвѣ и приплодѣ разныхъ хлѣбовъ, съ 1721 по 1726 г. включительно, свидѣтельствуетъ, что сѣялось ржи 150 четвертей, овса 248 четвертей, пшеницы 4 четверти, ячменя 18 четвертей, гороху 3 четверти, сѣмя конопляного 1 четверть, гречи 1 четверть, и того 425 четвертей, а въ чистомъ приплодѣ въ обильный изъ этого 5-ти лѣтія, по урожаю, года, бывало 214 четвертей, а при неурожаѣ спускалось до 172 четвертей. Кромѣ того имѣлось ручное хлѣбное жалованье, по Указу, изъ Приказа Большаго Дворца, откуда и отпускалось ежегодно: ржи 1201 четверть, да за пшеницу и за ячмень и коноплю выдавалось рожью, четверть въ четверть, 87 четвертей и 4 четверика, да овса 368 четвертей и 4 четверика, всего разнаго хлѣбеннаго ручнаго жалованья 1656 четвертей. Сѣна накашивалось по 209 копенъ, кладя примѣрно каждую волоковую копну въ 5 пудъ съ небольшимъ, тысяча пудъ, употреблявшаяся на кормъ содержимыхъ монастыремъ лошадей, и достаточнаго не бываетъ.

По этому производятся наемки сѣнныхъ покосовъ у сосѣднихъ владѣльцевъ, каковые покосы, равно и принадлежащіе монастырю, косятся наемными людьми; на остающійся въ приплодѣ скотъ и идущій въ бракъ покупается хлѣбъ въ недородные годы; къ тому же въ обыкновенный по урожаю благопріятный годъ расходъ обширенъ, кромѣ сестеръ обители, былъ: для работниковъ годовыхъ, понедѣльныхъ, поденныхъ, на кормъ до 283 четвертей ржи, на церковное обѣтованіе: просвиры, артосы, благословенные хлѣбы, пшеницы 8 четвертей; для сестеръ обители, для священства, живущаго при обители, на ея застольной (Дьяконовъ, Поповъ бѣлыхъ), для монашескаго чина, Строителя, Духовника, израсходывалось въ годъ ржи и всякаго яроваго хлѣба, 1427 четвертей и 4 четверика; на кормъ монастырскимъ лошадямъ употреблялось 134 четверти; а всего, какъ видно, расходовалось ежегодно 1852 четверти и 4 четверика; при такомъ расходѣ, разумѣется, въ остаткѣ ничего не имѣлось.

Въ уваженіе исключительнаго своего положенія, подъ покровительствомъ Екатерины Алексѣевны, обитель, кромѣ хлѣбнаго жалованья, по Указу Его Императорскаго Величества, со временъ Петра, 1711 г., изъ Камеръ-Коллегіи получала опредѣленное денежное жалованье, а равно за помолъ хлѣба, на своихъ мельницахъ для Государевыхъ въ Александровой Слободѣ кружечнаго двора, также и за пропускъ воды на тамошнія винокурню и пивоварню, ежегодно 1469 руб. и 10 коп. съ половиной; за рыбныя ловли по 2 руб., за пролубное мѣсто 10 руб., а всего 1481 руб. 10 коп. съ половиной. Этимъ денежнымъ окладомъ удовлетворялся слѣдующій расходъ: духовнымъ чинамъ на всякую потребу и одежду 43 р. 81 к. жалованья Духовнику 18 руб., Строителю 10 руб., бѣлымъ Попамъ и Дьяконамъ 56 руб., при чемъ какъ Попамъ, такъ и Дьяконамъ, равное, сестрамъ на пищу 244 руб. 85 коп., на церковныя потребы 226 руб. 88 коп., на церковные починки и на монастырское строеніе 77 руб. 26 коп. съ половиной, на покупку дровъ 298 руб. 88 коп., 82 человѣкамъ работниковъ годовыхъ, недѣльныхъ, поденныхъ, жалованья 165 р. 60 коп., на наемку покосовъ 100 руб., и на прочіе монастырскіе всякіе расходы 239 руб. 88 коп.; а изъ расходовъ этихъ тайныхъ и дававшихся слишкомъ явно разнымъ кормилицамъ отъ обители, приказному люду при духовныхъ Конторахъ, Синодальныхъ Правленіяхъ, почестье, памяти, посулы и поклоны знатному

Боярству, покровительствующему обители. Все чествовалось, разумѣется, исправно, а въ итогѣ всѣхъ расходовъ и выходили всѣ денежные оклады и доходы съ оброчныхъ статей, 1481 р. 16 коп. При монастырѣ Стряпчаго и слугъ не имѣлось; кромѣ Духовника былъ Строитель, отправлявшій обязанность Стряпчаго, а вмѣсто слугъ было приписано къ монастырю мужеска пола 113 душъ, пожалованныхъ въ 1716 г. для монашескихъ нуждъ Великою Княгинею Натальею Алексѣевною, сестрою Петра Великаго: они, исполняли разныя надворныя обязанности при обители и содержались на застольной отъ монастыря. Но обратимся къ самой обители.

Правила въ 1727 г. ею дряхлая Игуменья Евфросинія, съ соборомъ старицъ, изъ коихъ извѣстны: казначея старица Евсевія, уставщица Александра, головщица Августа, которыя и учиняли сію Опись 1727 года. Кромѣ того былъ рядъ старицъ, старѣйшихъ рядовыхъ сестеръ, каковыхъ съ монахинями крылошанками было, по Описи, 64 человѣка, бѣлицъ свѣщеносицъ 4 человѣка, монахинь простыхъ 296 человѣкъ, непостриженныхъ дѣвицъ, непостриженныхъ вдовъ, всего 33 человѣка, и того монахинь и бѣлицъ 399 человѣкъ. При обители, для нуждъ духовныхъ, былъ Духовникъ Іеромонахъ Паисій, а для требъ монастырскихъ и руководства монастырской экономіи и веденія разныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и переписокъ, Строитель Іона, оба взятые въ таковыя званія изъ сосѣдней Лукіяновой пустыни, имѣвшей, въ лицѣ Преп. Лукіяна, общаго основателя и даже какъ первоначальника для обѣихъ обителей. Для отправленія же церковныхъ службъ состояло при монастырѣ бѣлыхъ Поповъ 7, и Дьяконовъ 2.

Обозрѣвая матеріяльное благосостояніе монастыря укажемъ, что при обители было приписано крестьянъ въ Нижегородской Губерніи 105 дворовъ, оброку съ нихъ 204 рубля, да во Владимирскомъ Уѣздѣ съ 52 дворовъ 80 рублей, имѣнье для рыбной ловли въ близости Александровой Слободы, озера: Дичковское да Карпиское, да въ рѣкахъ: Серѣ, Нюичѣ, Печкурѣ по малому числу; мельницы двѣ: одна въ самой Слободѣ на каменной плотинѣ, а другая выше деревни Сноповой, пролубное по рѣкѣ Серѣ въ Слободѣ мѣсто, да разныя земельныя угодія Всѣмъ этимъ владѣлъ монастырь безоброчно, пользуясь милостивыми Указами Царя Ѳедора, утвержденными, ради покровительства этой обители Екатерины, братомъ перваго и супругомъ второй, Петромъ Великимъ.

Монастырь, какъ видимъ, былъ обезпеченъ содержаніемъ, и многіе почитатели его святыни завѣщали погребать себя подъ его сѣнью; такъ въ концѣ 1727 г. подъ Троицкимъ его Соборомъ была погребена Казначея Царевны Маріи Алексѣевны, дѣвица Евѳимія Андреевна Львова, скончавшаяся 1727 г., Декабря 12 дня и, какъ надобно полагать, жившая въ обители, столь ревностно одаренной кладами ея Цесаревны.

Но Игумены Евфросиньи не стало; старица Казначея Евсевія, за ветхостью лѣтъ, отказалась, и сестры обители «излюбили» изъ своей среды въ Игумены монахиню Митрополію, и стала она Игуменьей съ 1729 г.

Любимецъ Царя Ѳедора Алексѣевича, благодѣтеля этой обители, просвѣщенный по времени его, Окольничій, Алексѣй Тимоѳѣевичъ Лихачовъ, памятуя своего Царя благодѣтеля, ревностно навѣщалъ сію обитель, столь имъ любимую, изъ своей Переславля-Залѣсскаго вотчины, въ память о себѣ пожертвовалъ Успенскому монастырю, въ 1729 и 1730 годахъ, въ настоятельство Митрополіи, древнія рукописи (уцѣлѣвшія и до сего времени), замѣчательныя какъ по историческому (лѣтописи, хронографы, повѣсти), такъ и по богословскому содержанію. Митрополія, какъ видно, на первыхъ порахъ ревностно относилась къ своему сану и соединеннымъ съ нимъ обязанностямъ и, блюдя нужды монастыря, доносила о ветхости кровель на его церквахъ, кельяхъ и башняхъ, и вотъ Коллегія Экономіи шлетъ 2660 рублей съ Указомъ изъ Синодальнаго Правленія, отъ 17 Сентября, 1731 г., за № 1007, на имя ея и того же Строителя Іопы, перекрыть ихъ въ два теса со скалою, а старое съ сихъ зданій употребить на отопленіе, а за стройкою надзирать Строителю. Въ слѣдствіе этого Указа приступлено было на означенную сумму къ работамъ, выполнить каковыя подрядился Ея Высочества Цесаревны Елисаветы Петровны Переславскаго Уѣзда Залѣсскаго оброчный крестьянинъ, Яковъ Буевъ, по предварительно заключенному съ Игуменьей и Строителемъ обители договору, взявъ новый подрядъ 28 Августа, 1731 г., «съ публичнаго по Адмиралтейскому Регламенту при горѣніи свѣчи торгу», перестроить вновь и покрыть противъ прежняго въ два теса съ скалою своими припасами и работными людьми да въ чернильной келіи (красильнѣ для монастырской одежды) бревенчатый потолокъ перестроить своимъ лѣсомъ и учинить конечно (т. е., окончить), въ нынѣшнемъ

1731 году, цѣною за 2660 рублевъ». Эта Игуменья была свидѣтельницей посѣщеній обители Цесаревной Елисаветой Петровной, и быть можетъ обязанъ и успѣхъ о просимыхъ нуждахъ пребывавшей около обители сокрушенной Цесаревнѣ, къ которой инокини обители, ободренныя ея добродушнымъ снисхожденіемъ, обращались за ходатайствомъ въ своихъ нуждахъ. Одно изъ таковыхъ ходатайствъ очерчиваетъ состояніе обители за это время. 26 Іюня, 1735 г., Императрица Анна Ивановна, въ бытность свою въ лѣтнемъ Царскомъ домѣ Троицко-Сергіевой Лавры, повелѣла ея Архимандриту, Варлааму, объявить Московскому Губернатору, Графу Семену Андреевичу Салтыкову, чтобы онъ кого пристойно послалъ въ Новой Александровой Слободѣ, въ Успенскій дѣвичій монастырь, взять изъ лампады, что есть надъ гробомъ тамъ почивающей Государыни Цесаревны, инокини Маргариты Алексѣевны, своей тетки, деревяннаго масла, которое повседневно горитъ, наливъ бутылку за печатью ея, Игуменьи, и прислать къ Ея Императорскому Величеству немедленно. Графъ Салтыковъ, по полученіи письма [53] о семъ отъ Архимандрита Лавры, Варлаама, съ изложеніемъ сего изустнаго приказанія Императрицы, немедленно послалъ въ Александрову Слободу, въ Успенскій дѣвичій монастырь, къ Игуменьѣ за масломъ сержанта Преображенскаго полка Петра Лакостова, который того же года 4 Іюля и явился въ монастырь къ Игуменьѣ Митрополіи.

Привезя бутылку съ масломъ, Лакостовъ доносилъ Графу Салтыкову слѣдующее: «Сего Іюля 4 пріѣхавъ я въ тотъ Успенскій дѣвичій монастырь, и того же времени со Игуменью Митрополіею пошли подъ церковь Стрѣтенія Господня, гдѣ гробъ блаженныя памяти Государыни Царевны, инокини Маргариты Алексѣевны, и сколько засталъ надъ гробомъ вмѣсто лампады, въ хрустальномъ стаканѣ, наложеннаго деревяннаго масла, оное вылилъ въ бутылку за печатью ея, Игуменьи, и при семъ и Вашему Высокографскому Сіятельству всепокорнѣйше объявляю. А оное масло, какъ я пришелъ подъ реченную церковь, не горѣло, а обрѣтающаяся въ томъ монастырѣ Игуменья Митрополія объявила, что масло не всегда горитъ, а зажигаютъ въ каждые буд-

---

[53] Изъ переписки Императрицы Анны Ивановны съ Московскимъ Губернаторомъ, Графомъ Семеномъ Андреевичемъ Салтыковымъ, въ Русскомъ Архивѣ 1873 г., № 9, стр. 1651—1652.

ніе дни въ обѣдню, въ праздникъ и въ Воскресные дни во всенощную и въ обѣдню, въ памяти Государскія во всѣ сутки, въ родительскія суботы во всѣ жъ сутки.»

6 Іюля Графъ Салтыковъ отправилъ бутылку эту при письмѣ къ Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ съ Кабинетъ-курьеромъ Мазолевскимъ. Упоминаемъ объ этомъ, какъ о событіи въ настоятельство Митрополіи.[54] Митрополія была, какъ видно изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ повѣствованія, женщина сердитая, своенравная, корыстолюбивая, дѣлала только въ пользу себѣ, да кто при ней, «заодно обирала обитель съ Казначеей», которая у себя имѣла дѣвку-племянницу, «что много казны ею тратится во всякіе случаи», морила сестеръ обители съ голоду, утаивая часть оклада ихъ содержанія. Недовольныя сестры заявляли ей о перемѣнѣ Казначеи, но она того не учинила, а еще только пуще стала ругаться. Пошла смута. Сестры раздѣлились на партіи, за Игуменью Митрополію была слабѣйшая числомъ, но сильнѣйшая нахальствомъ дѣйствій, на противуположной сторонѣ все остальное число сестеръ обители, которыя, послѣ разныхъ безплодныхъ ходатайствъ, и порѣшили обратиться къ Цесаревнѣ, въ Москву, и тамъ подали ей, въ 1737 г., прошеніе.

Долго ли продолжалась скорбь Цесаревны, не извѣстно, но, по живому и легкому своему характеру, а, вѣроятно, съ появленіемъ новаго красавца, пѣвчаго Алексѣя Григорьевича, въ послѣдствіи переименованнаго въ Разумовскаго, вскорѣ замѣнившаго и Шубина, горе ея остыло, и Цесаревна возвратилась опять въ столицу, ко Двору, гдѣ жила крайне стѣснительно, въ виду подозрѣній Императрицы Анны Ивановны, навѣщая Слободу Александрову и Москву, а подъ нею свое Покровское, гдѣ, вѣроятно, и была принята эта просьба смятѣвшихся инокинь.[55]

«Всемилостивѣйшая и Превысочайшая, Всепресвѣтлѣйшая, Великая Государыня наша, Цесаревна Елисавета Петровна. Въ

---

[54] Что за побудительная причина руководила Императрицей Анной въ вытребованіи масла изъ лампады надъ гробомъ своей по отцу тетки, личная ли благоговѣйная память по усопшей, или внезапное освѣдомленіе о чествованіи памяти ея тетки въ обители, для наслѣдователя пока остается загадочнымъ, тѣмъ болѣе, что въ архивѣ монастыря о семъ затребованіи свѣдѣній не имѣется.

[55] Извлекаемъ это прошеніе изъ книги 1-й замѣчательнаго Архива Князя

милости превысокаго и всещедраго Бога желаемъ Вашему Государскому Высочеству въ благополучномъ пребываніи здравствовать въ предыдущія многія лѣта.

Общая наша надежда и радость и благоутробная мати! Просимъ твое богоподобное милосердіе Успенскаго дѣвичья монастыря, что въ Александровой Слободѣ, Вашего пресвѣтлаго Царскаго Высочества всенижайшія рабы и послѣднія сироты и богомолицы. Призри на наше убогое и бѣдное прошеніе, даруй намъ милостивое разсужденіе, о чемъ во истинну предлагаемъ, что мы Вашимъ Государскимъ жалованіемъ непремѣнно повсегодно пожалованы, и получаемъ на четыреста сестеръ, а насъ не имѣется столько, всѣхъ триста обрѣтается, и въ нынѣшнемъ 1737 годѣ съ великимъ трудомъ получили, и то Вашимъ равнобожескимъ милосердіемъ защищаеми; а въ синодствѣ увѣдомились, что не имѣется у насъ толикаго числа сестеръ и нынѣ для утайки; во истинну, ежели будутъ слѣдовать, за сколько лѣтъ не было вѣдѣнія о умершихъ монахиняхъ, то во истинну, вмѣсто жалованія, оштрафятъ, а насъ, убогихъ сиротъ, уморятъ, и Игуменья съ Казначеею будутъ всегда въ покоѣ. О чемъ, Всемилостивѣйшая Государыня наша, слезно просимъ: не остави насъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ сиротъ, дабы и Игуменію въ томъ допросить, для чего она по Указу Императорскаго Величества не объявляла умершихъ монахинь и получала жалованіе девять лѣтъ на четыреста, гдѣ и куда употребляла четвертую ста часть, а насъ, бѣдныхъ сиротъ, съ голоду моритъ и до сего времени, что всѣ сторонніе окрестные жители слышавши, дивятся, что толикое число жалованья, а намъ во всемъ нужда и недостатки, что и въ Свѣтлую Недѣлю другой трапезы не велѣла поставить, о чемъ и Духовникъ ей говорилъ, что сестрамъ такая обида, и она сказала: Ежели, де, хочешь жить въ покоѣ и довольствѣ, то немного говори, и онъ нынѣ ни въ чемъ не воспрещаетъ. То мы, бѣдныя, видя такую неправду и конечное разореніе, стали говорить, что Строителя три года нѣтъ, а оный умеръ и неволею за правду, и сыскали

Воронцова, стр. 59—62, слово въ слово, для пополненія его примѣчаніями, столь необходимыми для документальнаго значенія этого прошенія, особенно въ исторіи монастыря, а тѣмъ болѣе въ описываемую пору. Надѣемся, что на это извлеченіе не посѣтуютъ ни просвѣщенный владѣлецъ его, ни издатель.

монаха, который бы могъ управить нужды монастырскія, по Преосвященнѣйшій [56] долго удержалъ, и мы сокровеннымъ соглашеніемъ написать дерзнули къ Госпожѣ Аннѣ Ивановнѣ Головиной, [57] чтобы пособіе явила, а слышно намъ что знаема къ Преосвященнѣйшему, и оное письмо (не допустило наше нещастіе, или воля Божія), до Игуменьи получилось, а писала старица Александра, которая, въ бытность Вашего Высочества, была при Вашей Превысокой Милости. И какъ прочитала оное письмо Варсонофія Ефимовна, [58] вельми на нее гнѣвалась, и такъ насъ всѣхъ устрашила, что хотя всѣ слышали, что правда писана, но всѣ отъ страха ея не могли и единаго слова вымолвить. И во истинну, Всемилостивѣшая Государыня, не токмо что въ томъ часѣ жалостно на нее было смотрѣть, которая писала, и нынѣ слезно помянуть, что всѣ роптали о неправдѣ, а едину страдать оставили; только Пульхерія по прочтеніи выдернула письмо, и госпожа Варсонофія Ефимовна, [59] безъ милости во истинну била ее по лицу и

---

[56] Безъ сомнѣнія, одинъ изъ Архіереевъ, правившихъ Московской Епархіальной каѳедрой, къ которой принадлежала, въ духовномъ отношеніи, Переславль-Залѣсскаго провинція, какъ часть Московской Губерніи, вѣроятно, одинъ изъ преемниковъ Стефана Яворскаго, быть можетъ, Митрополитъ Сарскій и Подонскій, или Епископъ Коломенскій. Перечень Епархіальныхъ Архіереевъ Московской каѳедры въ интересномъ очеркѣ въ исторіи, составленной Секретаремъ Московской Духовной Консисторіи, Н. П. Розановымъ.

[57] Анна Ивановна Головина, жена Сергѣя Автономовича Головина, дочь Генералъ-Аншефа Ивана Ивановича Бутурлина, жившаго еще въ то время, какъ прежде было сказано, въ своей вотчинѣ, с. Крутцѣ, подъ Слободою, и благодѣтельствовавшаго Успенской обители, будучи на столь ей преданы, что даже оба Головины, т. е., супругъ съ супругой, погребены въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ, рядомъ съ ними, и погребенъ тесть перваго и отецъ второй, самъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. См. Село Новоспаское и родословная Головиныхъ, сочин. П. С. Казанскаго. М. 1847 г., стр. 132. Россійская родословная книга Князя П. В. Долгорукаго, часть вторая, стр. 159, 160, и часть третья, стр. 108.

[58] Объ ней въ моей статьѣ: «Ссыльныя монахини Александровскаго Успенскаго женскаго монастыря», къ которой, въ виду этихъ новыхъ данныхъ о характерѣ и роли госпожи Варсонофіи Ефимовны Казанской, нельзя не добавить слѣдующаго: Варсонофія пережила своего гонителя, Царевича Алексѣя Петровича, сославшаго ее въ Успенскій дѣвичій монастырь въ 1708 г., гдѣ она, какъ видимъ изъ этого документа, пребывала еще въ 1737 г. и въ продолженіи 30-лѣтняго въ немъ житія, какъ видно, не была чужда вліянія на монастырскій обиходъ, пользуясь даже значеніемъ, что стано-

по головѣ посохомъ своимъ. А случилось сіе, Государыня, въ соборной церкви, да и въ цѣпи морили [59] ихъ двои сутки и плѣтьми били Пульхерію, да еще Варсонофія Ефимовна стала грозить Князь Иванъ Юрьевичемъ, [60] чтобъ [61] намъ, Милостивая Государыня,

---

вится понятнымъ, тѣмъ болѣе, что Варсонофія «грозитъ Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ», слѣдовательно, была извѣстнымъ сильнымъ въ мірѣ семъ въ тогдашнюю пору. Существующій въ прошеніи пропускъ (что и заявляетъ издатель) не убѣждаетъ насъ въ одномъ, что можно легко предположить: не была ли Варсонофія и Игуменьей? И такимъ образомъ изъ опальной старицы стала «излюбленной самой обителью Игуменьею-госпожею! Съ гибелью ли гонителя перевернулось и ея житье бытье? Или, быть можетъ, Игуменья, выбранная дѣйствительно по актамъ, какъ видно, бывшая въ то время Митрополія, была подъ вліяніемъ Варсонофіи, застращавшей ее своими именитыми знакомцами, благодѣтелями въ то же время и монастыря; а потому она такъ самоуправно и роспоряжается въ обители, не щадя своихъ рукъ и клюки. Игуменья надменно встрѣчаетъ замѣчаніе Духовника, вмѣшательство канцеляриста духовныхъ дѣлъ, словомъ, даетъ произвольнымъ дѣйствіямъ своимъ, какъ въ пищѣ сестрамъ обители, такъ и въ казнѣ монастырской, полнѣйшій просторъ. На сколько имѣли значеніе Варсонофія и Митрополія не только въ Успенскомъ монастырѣ, но и въ сосѣднемъ—Лукіановой пустыни, назначавшей изъ среды своей сестрамъ Успенской обители Духовниковъ и Строителей, а также въ то же время и Стряпчихъ, видно изъ того, что въ Синодикѣ Лукіяновой пустыни на поминъ души изъ старицъ и Игуменій Успенской обители, ни кто не внесены, кромѣ Митрополіи и Варсонофіи Ефимовны Казанской. См. о ней въ статьѣ Семевскаго: Сторонники Царевича Алексѣя Петровича, въ Библіот. для чтенія 1861 г. №№ 5 и 6.

[59] Въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ были темницы для ссыльныхъ монахинь, которыя, безъ сомнѣнія, въ подвалахъ были, до сихъ поръ цѣлыхъ, въ два яруса подъ Успенской церковью; сложены онѣ изъ бѣлаго камня съ темными узкими камерами, по которымъ и днемъ пройти нельзя иначе, какъ со свѣчой; въ одномъ изъ нихъ стоитъ стулъ, къ которому приковывали желѣзной цѣпью съ такимъ же ошейникомъ. Мѣстное преданіе, быть можетъ и шаткое, относитъ ко временамъ Грознаго обитателя Слободы, Царя Ивана Васильевича, этотъ стулъ, пребыванію котораго дѣйствительно современны эти подвалы – темницы, въ которыхъ онъ находится, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ имѣть въ виду, что во всѣхъ почти монастыряхъ, а тѣмъ болѣе женскихъ, въ XVII и XVIII в., были заведены такія стулья съ желѣзною цѣпью и ошейниками, на которыхъ строгія Настоятельницы обители смиряли строптивыхъ своихъ инокинь, повинныхъ не въ обыденныхъ грѣхахъ ихъ отшельнической жизни. (Памятники древняго художества въ Россіи, изд. А. А. Мартынова, текстъ П. М. Снегирева. 1854 г., т. I, стр. 17 и 18). И вотъ въ какихъ желѣзахъ цѣпи морила двое сутокъ смятѣвшихся инокинь!!...

[60] Князь Иванъ Юрьевичъ, безъ сомнѣнія, Генералъ-Фельдмаршалъ Трубецкой,

во истинну Князь Иванъ Юрьевичъ обители весьма благодѣтельствуетъ, а ежели бъ и онъ слышалъ подлинно, то бы разсудилъ, что куды такая казна употребляется. Мы, Всемилостивѣйшая Государыня, выбирали ее въ общую пользу всѣ, а она только себѣ, да кто при ней, тѣ по вся дни во истинну прохладны, и просто явить, чтобъ она и мы говорили, чтобы Казначею перемѣнить, что Казначея имѣетъ у себя дѣвку племянницу, что много ею казны тратится во всякія случаи, и того не учинитъ, только ругается пуще, и мы просимъ, Всемилостивѣшая Государыня, чтобы намъ, бѣднымъ сиротамъ, не помереть только съ голоду. А о четвертой части соизволь, Государыня, досмотръ учинить и слѣдствіе, и ежели соизволишь допросу быть, то яви равнобожескую милость, чтобы безъ подкупу и правду разсмотрѣть, и чтобы насъ Варсонофія Ефимовна всѣхъ также не стала бить своею клюкою, что и Пульхерію, или, какъ лучше соизволитъ твое Царское Величество, одну Александру старицу допросить, хотя въ Москву взявши, что свободнѣе станетъ правду доносить, и ни что же ложно явится, что мы всѣ видимъ и слышимъ, а говорить не смѣемъ ничего, но дерзнули нынѣ просить мы обще вси бѣдныя сироты, кромѣ тѣхъ, которыя при нихъ довольны. Не презри, Премилосердая, не остави, Милостивая Государыня, что негдѣ намъ, бѣднымъ сиротамъ, милости просить и получить кромѣ единаго Бога и твоего равнобожескаго милосердія. И о томъ приходилъ въ трапезу канцелярист духовныхъ дѣлъ, Гаврило Ивановъ, чтобы слѣдствіе учинить въ такой полученной излишней казнѣ, и Игуменья съ будильщицами только подсмѣяла его, что у насъ никому казны не счести. Всемилостивѣйшая Государыня, не яви наше бѣдное прошеніе и не прогнѣвайся на наше дерзновеніе, во истинну что въ самой горести и бѣдѣ просимъ твое Высочество убогія старицы и всенижайшія рабы ваши и

вліятельное лице царствованія Императрицы Анны. Родной его братъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Юрій Юрьевичъ былъ женатъ на Ольгѣ Ивановнѣ Головиной, двоюродной сестрѣ Сергѣя Автономовича Головина, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній, совмѣстно съ Головиной, урожденной Бутурлиной, Анной Ивановной, благодѣтельствовалъ. Родословная Головиныхъ, стр. 131. Село Новоспасское, стр. 127.

[61] Въ подлинникѣ на этомъ мѣстѣ оканчивается вторая страница и начинается третья; очевидно, тутъ пропускъ. См. Архивъ Князя Воронцова книга I, стр. 60, примѣчаніе внизу.

всегдашнія богомолицы: Августа головщица, Евграфа, Есфирь, Пульхерія, Аѳанасія, Епифанія и прочія не именованныя и отъ старѣйшихъ рядовыхъ сестеръ бывшая Казначея Евсевія, Пелагея, Варсонофія, Инокентія, Таисія, Ириарха, и вси о семъ прошеніи на твои предражайшія Государскія ножки со слезами припадаемъ.»

Внявшая ихъ слезному прошенію, Царевна дала ему должное движеніе, и оно безъ подкупа и по правдѣ досмотрѣно, и по тому не осталось безъ послѣдствій. Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія затребовала Опись, и вотъ она является отвѣтомъ, хотя и черезъ два года, но достаточно выражающимъ состояніе обители за смутное время, изложенное въ просьбѣ монахинь. Упоминаемый въ прошеніи умершій Строитель въ 1733 г., или 34 г., былъ значащійся въ этомъ званіи, какъ видно въ Описи 1727 и 1731 гг., котораго, вѣроятно, и замѣнилъ Строитель Трифилій, являющійся въ Описи 1739 г., а Духовникомъ видимъ уже Виктора, а не Паисія, упоминаемаго въ 1727 г.

Вѣдомость затребованная составлена въ Октябрѣ 1739 г. Игуменьей Митрополіей съ сестрами о Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Александровой Слободѣ, «противъ присланной изъ Коллегіи Экономіи формы въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію», и въ ней значится: Игуменья 1, Казначея 1, а всѣхъ съ ними монахинь 252, изъ коихъ 3 схимонахини; 52 бѣлицы, а всего 312 человѣкъ; Духовникъ Викторъ получаетъ жалованія 15 рублей, Строитель монахъ Трифилій, отправляющій монастырскія и стряпческія дѣла—10 рублей, и оба пищу повсядневно получаютъ изъ монастыря; Поповъ 7, каждому по 7 рублей и по 7 четвертей ржи и овса; Дьяконовъ 2, и каждому тоже жалованіе, а Пономарей 5 человѣкъ изъ Поповскихъ дѣтей; служителей при монастырѣ 113, церквей каменныхъ 6 съ 10 престолами, 42 каменныхъ келіи, и 5 деревянныхъ, и такихъ же 5-ть житницъ; далѣе прописаны жалованные пашни, покосы, руга и денежное жалованіе— тѣже, что и по Описи 1727 г., и наконецъ двѣ мельницы, «и на этихъ Слободскихъ мельницахъ — въ Александровской слободѣ на каменной плотинѣ и повыше на Сноповской» Опись заявляетъ, что «мелются припасы Царевны Елисаветы Петровны, въ той Слободѣ къ винному куренію и пивному варенію, и причтено за оный помолъ и за пропускную воду на винокуренный дворъ по сту рублей намъ выдавать,» и на Соповской тоже въ томъ же числѣ, и на Старо-Сло-

бодской на монастырской обиходъ.» Во всемъ прочемъ опись эта является почти точною копіею съ таковой въ 1727 г.

Однако же, Опись во всякомъ случаѣ должна была убѣдить въ правотѣ челобитія; но подкупы, которыхъ такъ боялись просительницы, должно быть взяли верхъ, или Цесаревна вмѣшалась за что либо, и Игуменья Митрополія осталась еще надолго настоятельствовать съ надеждою на еще большее самовластье въ добрѣ и «казнѣ,» обители.

Въ этотъ промежутокъ челобитія смятѣвшихся инокинь и учиненія Описи, по требованію Московскаго Синодальнаго Правленія, Успенская обитель, въ настоятельство той же Игуменьи Митрополіи, погребла въ стѣнахъ своихъ, подъ сѣнью Троицкаго собора, прахъ ближайшаго сосѣда монастыря, его благодѣтеля, именитаго птенца Петра, I-го, а тогда опальнаго Генералъ Аншефа, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Подполковника, Ивана Ивановича Бутурлина, мирно скончавшагося въ родовой своей, сосѣдней съ Слободою, вотчинѣ, с. Крутцѣ, 31 Декабря, 1738 г., гдѣ онъ въ опалѣ проводилъ закатъ дней своихъ.

Вѣчная память запечатлѣлась о немъ въ обители нѣкоторыми вкладами: въ ризницѣ до сего времени уцѣлѣло серебренное большое съ фамильнымъ гербомъ блюдо съ вырѣзанною монограммою: И. И. Б. Нѣтъ сомнѣнія, что былъ присланъ «для покормки» обычный харчъ на поминъ души новопреставленнаго, былъ данъ богатый покровъ и ризы, которыхъ въ ризницѣ въ достаточномъ числѣ, и особенно немало замѣчательныхъ по изяществу рисунка, богатству украшенія и памяти замѣчательныхъ вкладчиковъ.

Денежнаго вкладу не было, а потому больше Митрополіи не чѣмъ поживиться; и вотъ она, ободренная благопріятствующими обстоятельствами, молчаніемъ Канцеляріи Московскаго Синодальнаго Правленія, быть можетъ, ублаженной ея посулами и поклонами съ почестьями, затормозившими правдивый голосъ челобитія, подаетъ, въ 1741 г., отъ себя опять Доношеніе въ Правительствующій Сенатъ о ветхостяхъ тѣхъ же кровель церквей, крытыхъ, однако же, тесомъ, а иныхъ вовсе не покрытыхъ храмахъ, что видно по одновременно при ней же составленной въ Іюнѣ 1741 года, Описи монастыря и его зданій, именно: церквей, и колокольни, и всему ветхому строенію каменному и деревянному; въ ней перечислены церкви и зданія, въ подробности каждое, сопровож-

даемое таковою о немъ отмѣткою: Крыша деревянная, ветха, желѣзо обломилось, кирпичь обвалился, камень тоже, на стѣнахъ расселины (трещины) отъ течи, а все больше отъ давности лѣтъ.»Вообще состояніе монастыря описано въ отношеніи его стройки, снаружи, въ жалкомъ ветхомъ видѣ. Эта Опись, вмѣсто съ обычною «противъ присланной формы» въ сихъ случаяхъ вѣдомостью о монастырѣ, учиненною въ томъ же Іюнѣ, того же 1741 г., представлены отъ Игуменьи Митрополіи и сестеръ въ Московскую Духовную Декастерію, для подкрѣпленія настоятельныхъ нуждъ по ея доношенію, о назначеніи «кошта» на возобновленіе и исправленіе рухнувшейся обители.

Не смотря на то, что странно, какъ могли въ 10-ть лѣтъ сгнить кровли, доношеніе осталось небезплоднымъ: черезъ два года изъ Коллегіи Экономіи выслано 4000 руб. на починку ветхостей, для коихъ, прежде высланныхъ въ 1731 году, 2660 рублей не оказалось и счету. Разумѣется, эти присылки Игуменьѣ Митрополіи, все еще настоятельствовавшей, были на руку, которую, вѣроятно, поддерживала Елисавета, такъ какъ назначеніе и присылка послѣдовали въ первый же годъ ея царствованія, именно: 25 Генваря, 1743; на второй же годъ она сама поспѣшила навѣстить монастырь: «1744 г., 6 числа Марта, т. е., во вторникъ, Ея Императорское Величество, во 2-мъ часу по полудни, изволила изъ Троицкаго монастыря путь воспринять въ Александрову Слободу, въ разстояніи 40 верстъ отъ Троицкаго монастыря, при пушечной пальбѣ, въ провожаніи Преосвященнаго Архіерея Крутицкаго, Платона, и оного монастыря Архимандрита (извѣстнаго ея любимца, Арсенія Могилянскаго [62] и Наслѣдника (вѣроятно, Ѳеодосія Яковскаго [63] и, прибывъ, въ 6-мъ часу на исходѣ по полудни въ ту Слободу, изволила кушать во дворцѣ: 7-го числа Ея Императорское Величество изволила, со всею своею свитою, изъ дворца шествовать въ имѣющійся при той Слободѣ, Успенскій дѣвичь монастырь, гдѣ встрѣчена отъ Игуменьи, съ прочими монахинями, предъ святыми воротами, изволила быть въ Успенскомъ соборѣ, прикладываться къ иконамъ и слушать литургію въ Троицкомъ соборѣ и послѣ нея жаловала Игу-

---

[62] Историческое описаніе Св. Троицкой Сергіевой Лавры. М. 1865 г., стр. 140.

[63] Лѣтопись Намѣстниковъ, Келарей, Казначеевъ, Ризничихъ, Экономовъ, Библіотекарей Св. Троицкой Сергіевой Лавры, составленная Библіотекаремъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры Іеромонахомъ Арсеніемъ Сбп. 1868 г., стр. 4.

менью и монахинь къ рукѣ. Послѣ того изволила ходить въ келью къ Игуменьѣ и возвратилась во дворецъ кушать, и послѣ кушанья изволила паки возвратиться въ Троицко-Сергіевской монастырь.» [64] Обитель вновь увидѣла свою благодѣтельницу, уже не ищущей въ стѣнахъ ея пріюта, а со славою грядущей Императрицею, принимать которую выпало опять на долю Игуменьѣ Митрополіи, видѣвшей ее въ злополучные дни. Митрополію обласкала Императрица, допустила къ рукѣ, и это лобзаніе, вѣроятно, еще надолго закрѣпила ихъ приязнь. Митрополія торжествовала; къ тому же обители предстояло, въ слѣдствіе посѣщенія Императрицы, сдѣлаться извѣстной, стать «въ случаѣ» для богомольныхъ путей и доброхотныхъ вкладовъ благодѣтелей той поры. Ожиданія оправдались Одинъ изъ близкихъ къ Императрицѣ Елисаветѣ вельможъ ея царствованія, Баронъ Александръ Сергѣевичь Строгановъ, почтилъ обитель богатымъ вкладомъ въ 1753 году, именно: далъ большое Евангеліе въ доскахъ, блаженное серебряннопозлащеннымъ окладомъ изящной работы.

Но и Митрополія не стало, и старицы обители стосковались о забвеніи къ нимъ Императрицы, и стали молить о своей скудности, прося разрѣшить сестрамъ обители «излюбить изъ своей среды достойную Игуменью.»

Скорбь инокинь услышана. Императрица, къ облюбованному ею еще въ горькіе дни ея жизни монастырю, въ любезно для нея вотчинѣ Слободѣ шлетъ ея царскій Указъ, 16 Мая, 1754 года, [65] изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, за подписью сво-

[64] Камеръ-фурьерскіе журналы. Отрывки 1744 г., статья Петрова въ Осьмнадцатомъ вѣкѣ, Сборникѣ Бартенева, книга I, стр 55 и 56, и Камеръ-Фурьерскіе журналы за 1744 г., печатный экземпляръ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ.

[65] Дѣйствительно Кабинетная записка была собственноручно подписана 16 Мая, 1754 г., Министромъ Кабинетъ-Секретаремъ Императрицы, Барономъ Иваномъ Антоновичемъ Черкасовымъ. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду того, что всѣ біографы его и составители родословныхъ: (Князь Долгорукій, Россійск. Родосл. книги II, 279; Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятн. людей, М. 1836 г., т. V, стр. 260; Рубанъ, Описаніе С-Петербурга съ 1703 по 1751 г., Спб. 1799 г., на стр. 406, 407 и 412,) называютъ днемъ и годомъ его кончины 21 Ноября, 1752 годъ. Этотъ же годъ изъ сочиненія Рубана перешелъ подъ № 30, стр. 92, и въ Хронологическій списокъ, приложенный къ Описанію Александроневской Лавры, Спб. 1842 г. Между тѣмъ изъ

его довѣреннаго Министра, Кабинетъ-Секретаря, Барона Ивана Черкасова слѣдующаго содержанія: «Изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, Успенскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Александровской Слободѣ, Игуменьѣ съ сестрами, или кто Игуменьино мѣсто содержитъ. Сего Мая 13 дня Ея Императорское Величество, при отсутствіи своемъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, пожаловала въ оный монастырь на милостыню вамъ съ сестрами двѣ тысячи рублевъ, которыя при семъ и посланы. Того ради имѣете вы оныя деньги у посланнаго принять съ роспискою. Что же онаго монастыря монахини просили о Игуменьѣ, и о томъ Ея Императорское Величество указала быть по ихъ прошенію, и выбрать по своему произволенію, и кто выбрана будетъ, о томъ прислать извѣстіе для доложенія Ея Императорскому Величеству.»

Обрадованныя сестры обители, не столько денежному вкладу, столь крупному по времени, сколько праву излюбленія изъ своей среды Игуменьи, что на соборномъ сходѣ, и поспѣшили выполнить, избравъ изъ своей среды монахини этой же обители, старицу Есѳирь, и едва ли не ту, которая подписала къ Елисаветѣ, еще Цесаревнѣ, прошеніе, поданное въ 1737 году. О выбранной Игуменьѣ дано знать, согласно Указу Кабинетной записки, Ея Император-

---

дѣлъ Государственнаго Архива видно, что лѣтъ пять спустя, т. е., въ 1757 г., Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ не только былъ въ живыхъ, но еще завѣдывалъ Кабинетомъ. О раздѣлѣ его имущества между дѣтьми имѣются свѣдѣнія въ томъ же Архивѣ за 1761 г.. И такъ (и это очень важно для занимающихся историческими розысканіями) опечатка у Рубана, перешедшая въ біографіи и генеалогіи о Черкасовѣ, несомнѣнна. Быть можетъ, онъ умеръ въ 1759 г. и, по ошибкѣ, или по неясности цифры, принимали 9 за 2. Въ 1757 г., именно 12 Ноября, составлена была при немъ опись казенныхъ вещей, взятыхъ изъ дому его и состоящихъ изъ вещей фарфороваго завода по Шлиссельбургской дорогѣ, доселѣ находящейся въ завѣдываніи Кабинета, который И. А. Черкасовъ сдавалъ А. В. Олсуфьеву, заступившему, по его убѣжденію, его мѣсто Кабинетъ-Министра. Въ Іюнѣ 1757 г. онъ велъ переписку съ Кондоиди, Президентомъ Медицинской Коллегіи, о своей болѣзни, о которой присылала нарочныхъ справляться Императрица Елисавета Петровна. Годъ рожденія Ивана Антоновича показывается біографами и генеологами тоже несогласно съ надгробной надписью, гласящей 1692 г., а у нихъ 1690 г. См. изслѣдованіе его біографа, Барона Бюлера, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1870 г. № 1, стр. 19 — 21, въ его статьѣ: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II,» столь обильной рядомъ знаменательныхъ указаній на сочиненія, доступныя ограниченному кругу воздѣлыва теле[illegible] чественной исторіи.

скому Величеству, около которой обитель нашла уже заступника и въ нуждахъ ходатая, новаго помѣщика близъ Слободы, вотчинной жалованнаго Камергера и Кавалера, Василія Ивановича Чулкова, знакомаго, еще въ малыхъ придворныхъ должностяхъ: истопника, тафель-декера, метръ де гардеропа, съ Слободою и ея обителью.

Сказано — сдѣлано, и новый Владыка Переславскій, красавецъ и любимецъ Императрицы Елисаветы, Арсеній (Могилянскій), Епископъ Переславскій и Дмитровскій и Архимандритъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря,[66] до сего Архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры, въ семъ званіи посѣщавшій съ Императрицей въ 1744 г. Слободу ися обитель, рукоположилъ Успенскому монастырю, выбранную его сестрами Игуменью Есѳирь, 23 Генваря, 1755 года, въ чемъ и выдана ей ставленная грамота, въ коей, между прочимъ, значится слѣдующее: «благословили мы избранную и утвержденную, въ силу имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Указа, объявленнаго черезъ Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера Василія Ивановича Чулкова, Епархіи нашей Александровскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря, монахиню Есѳирь, въ оный же дѣвичь монастырь во Игуменьи, въ который игуменства чинъ нами оная монахиня Есѳирь Маія 13 дня, 1754 года, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ церкви Воскресенія Христова, на подворьѣ нашемъ, что слывегъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новаго Іерусалима именуемаго, монастыря, и произведено....» при чемъ ей, Есѳири, этой грамотой предоставлялось: «имѣть въ хожденіи въ церковь, въ трапезу и по монастырю, гдѣ приличествуетъ, посохъ игуменскій и стоять во

[66] Объ Арсеньѣ Могилянскомъ и Переславской Епархіи въ древней Руси и о возстановленіи ея въ царствованіе Елисаветы Петровны см. Древнюю Русскую Виѳліоѳику, Новикова, изданіе 2, томъ XIX. М. 1791 г., стр. 407—411, статью. Историческое извѣстіе о Переславской Залѣсской Епархіи. — О Переславлѣ Залѣсскомъ,сочин. Гр. Хвостова, изданіе 2. М. 1823 г.—Древній и нынѣшній Переславль Залѣсскій, статья Савельева-Ростиславича, въ Сынѣ Отечества 1848 г. Іюнь. Сообщены также нѣкоторыя свѣдѣнія въ О. Іоасафа Церковно-Историческомъ описаніи Владимирскихъ достопамятностей. Владимиръ, 1857 г., и въ статьѣ Ранга: Хронологическій списокъ Архіереевъ, управлявшихъ Суздальскою и Владимирскою Епархіями отъ водворенія Христіанства въ Россіи до настоящаго времени, во Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, неоффиц. части 1867 г. № 40, и 1868 г. № 15, тоже въ VI выпускѣ Трудовъ Владимирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

время молитвословія соборнаго въ отлику и предпочтеніе передъ другими Епархіи нашея Игуменьями, на ковръ, и тѣмъ довольствоватися»; и далѣе: «Вручися ей сія наша Настоятельская грамота, рукою нашею написанная и печатью запечатанная, въ Ставропигіальномъ Воскресенскомъ, Новымъ Іерусалимомъ именуемомъ, монастырѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7263, а отъ Рождества Христова 1735 г., мѣсяца Генваря 23 дня.» [57] Сталъ монастырь съ излюбленной Игуменьей еще болѣе подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы, наслѣдовавшей его въ свое вѣдѣніе совмѣстно съ вотчиной отъ матери Императрицы Екатерины, по волѣ Петра, имѣвшей обитель эту, какъ видѣли мы выше, «подъ особливымъ собственнымъ призрѣніемъ Ея Величества.»

Ставленіе Есѳири во Игуменье—послѣднее событіе, завершающее современную Елисаветѣ хронику Успенскаго дѣвичьяго монастыря; по крайней мѣрѣ ни печатанные источники въ исторической литературѣ, и ни какіе документы въ архивѣ обители, не заявляютъ ничего такого, что́ бы касалось до монастыря въ остальное время царствованія Елисаветы, обратившей въ ту пору свою державную милость на украшеніе Слободы новымъ обширнымъ зданіемъ и памятникомъ благочестія.

III.

Александрова Слобода не была забыта Елисаветой Петровной въ счастливые дни ея царствованія: такъ, черезъ два года послѣ вступленія ея на престолъ, Елисавета вспомнила о Слободѣ, и въ огромной линеѣ, [58] съ мѣстами и столомъ внутри, обитой зеленымъ сукномъ, съ пышной свитой, въ составѣ которой ей сопутствовали: Преосвященный Архіерей Крутицкій Платонъ, Св.-Троицкой Сергіевой Лавры Архимандритъ, извѣстный въ послѣдствіи ея любимецъ, Арсеній Могилянскій, Намѣстникъ его и Лавры, вѣроятно, Ѳеодосій Яковскій, счастливецъ А. Г. Раз-

---

[57] Кабинетная записка и ставленная грамота хранятся въ архивѣ монастыря и напечатаны съ сохраненіемъ по возможности правописанія подлинника.

[58] Московская Оружейная Палата. М. 1850, стр. 261, подобная для поѣзда въ Москву на коронацію употребленной. См. Спб. Вѣдомости 1742 г. № 20.

умовскій, Воронцовъ и прочій случайный людъ ея великолѣпнаго двора и начинавшагося царствованія. Съ блестящею роскошью выѣзжала Императрица во главѣ этого громаднаго поѣзда, во вторникъ, 6 числа Марта, 1744 г., въ 2 часа по полудни, или, какъ выражается современный Камеръ-Фурьерскій журналъ, [69] «изволила имѣть шествіе» изъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Александрову Слободу, по древней еще прежде коротко извѣстной ей, дорогѣ, у которой прилегающихъ деревень жители чрезвычайную радость выражали: всякъ спѣшилъ взглянуть на желанную матушку-Царицу и приварядить ея торжественный путь въ свою вотчину. Молодые елки, поставленныя по обѣимъ сторонамъ зимняго пути, представляли подобіе аллей, въ селеніяхъ же мужчины становились по одной сторонѣ дороги, а женщины по другой, а отъ церквей въ селахъ Дерюзинѣ, Слотинѣ и Корпискомъ, въ предшествіи хоругвей, выходившее на встрѣчу къ ней духовенство, повсемѣстно оглашавшіе крики ликующаго народа, терявшіеся въ оглушительномъ трезвонѣ колоколовъ; словомъ, все это неслось за Императрицей на всемъ ея пути въ Слободу, куда она и прибыла «по полудни, въ исходѣ 6 часа», сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ 4 часа времени 42-хъ верстный путь, перемежавшійся привѣтомъ народа и встрѣчами духовенства, а въ Слободѣ, ознаменовавшійся восторгомъ всѣхъ ея жителей и молебнымъ пѣніемъ духовенства и Игумены съ сестрами Успенской обители, выступившихъ по Московской дорогѣ на встрѣчу Императрицѣ при въѣздѣ въ свою Слободу, по большой Московской улицѣ.

Императрица, какъ повѣствуетъ Камеръ-Фурьерскій журналъ, [70] изволила вступить въ началѣ въ церковь Рождества Христова, тогда еще деревянную, но все таки главную въ Слободѣ, на торговой ея сторонѣ, гдѣ нынѣ стоитъ великолѣпный Христо-Рождественскій соборъ, въ коемъ, въ благодарственномъ молебствіи, какъ Царица, такъ и жители Слободы, въ большинствѣ

---

[69] Камеръ-Фурьерскіе журналы, отрывки 1744 г., стр. 67, статья Шетрова въ Осьмнадцатомъ вѣкѣ, Сборникѣ Бартенева, книга 1-я, стр. 55 и 56, и Камеръ-Фурьерскіе журналы за 1744 г., стр. 9.—Лѣтопись Намѣстниковъ и т. д. Св. Троицкой Лавры, состав. Библіотекаремъ оной Іеромонахомъ Арсеніемъ. Спб. 1868 г., стр. 4.—Историческое описаніе Св. Троицкой Сергіевой Лавры. М. 1855 г., стр. 140.

[70] Камеръ-Фурьерскіе журналы, отрывки 1744 г., статья Шетрова въ XVII вѣкѣ, стр. 9.

видцы ея прежняго пребыванія въ Слободѣ, приносили теплыя молитвы ко Всевышнему за помощь «на сопротивныя», радуясь въ душѣ, что видятъ свою матушку-Царицу не одной лишь хозяйкой Слободы, но Повелительницей всей уже матушки Россіи. Восторженные крики, ликованіе, народныя толпы, сопровождали шествіе ея въ противостоящій дворецъ (гдѣ теперь на этомъ мѣстѣ домъ Протоіерея онаго собора, Іякова Миловскаго), знакомый ей дворецъ, скромный свидѣтель горести былаго.

Во дворцѣ ожидали ее хлѣбъ-соль отъ жителей Слободы, поднесенная старшимъ Бургомистромъ Слободской Ратуши, а около дворца кишѣла любопытная толпа посадскихъ молодцовъ и молодокъ, ждавшихъ только милостиваго слова отъ бывалой ихъ собесѣдницы, чтобъ, не смотря на дни поста и молитвы, утѣшить ее по прежнему, грянувъ пѣсню удалую про Матушку Царицу да про Русь Святую, сторонку родную. Принявъ радостный поклонъ отъ Слобожанъ, Елисавета изволила кушать вечернее кушанье со своею свитою, къ которой уже въ Слободѣ примкнулъ и, такъ еще недавно возвратившійся изъ Камчатки, нѣкогда счастливецъ, затаенный другъ сердца ея, теперь повелительницы и благодѣтельницы, вновь пожалованный Генералъ-Поручикъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, получившій подъ Слободою бывшую вотчину Князя Ромодановскаго, доставшуюся, послѣ Князя, его дочери, Екатеринѣ Ивановнѣ, по мужѣ Графинѣ Головкиной, по которому у нея конфискованной и ему Царскою милостью пожалованной, по особой грамотѣ. [71] Худой, блѣдный и изнуренный мученическими лишеніями, Шубинъ своимъ видомъ помрачалъ только блескъ великолѣпной свиты Императрицы и, сознавая всю тягость своего положенія, послѣ колѣнопреклоненнаго благодаренія передъ Елисаветой, спѣшилъ изъ дворца домой въ ставшее ему любезное Горьево. [72] Шумное столованье, разнообразность

---

[71] Эта, имѣющаяся у меня, грамота будетъ напечатана въ Очеркѣ жизни А. Я. Шубина.

[72] Отъ Александровой Слободы въ 12 вер., въ приходѣ с. Рюминскаго. До днесь великолѣпная усадьба съ домомъ, обширными барскими хоромами, строенія конца XVIII в., и чуднымъ тѣнистымъ паркомъ. Домъ носитъ какъ по архитектурѣ снаружи, такъ и отдѣлкою внутри, слѣды величія вельможнаго барина прошлаго вѣка. Къ Горьеву мы возвратимся въ статьѣ нашей объ А. Я. Шубинѣ.

«кумпаніи», Архіерей, и Архимандритъ, подгулявшіе придворные: слегка Разумовскій, съ сватомъ и другомъ, Отцомъ Дубянскимъ [73] Духовникомъ Императрицы; словомъ сказать, весь дворцовый людъ не слыхалъ ужь голосистыхъ пѣвицъ, ретиво выводившихъ свои трели подъ окнами дворца во время Царицынаго вечерняго кушанья.

Слѣдующій день, [74] начиная съ утра, былъ посвященъ посѣщенію Успенскаго монастыря. 7-го числа, повѣствуетъ Камеръ-Фурьерскій журналъ, въ 11 часу по полуночи, Ея Величество изволила, со всею своею свитою, изъ дворца шествовать въ оный монастырь. Время, въ немъ проведенное, описано въ предшествовавшей главѣ; но великолѣпіе выхода Императрицы, между восторженными привѣтствіями, громкими ура-ликовавшихъ жителей Слободы, въ большинствѣ очевидцевъ ея былаго житья-бытья, между ними сановитость красавицы Царицы, очаровательный видъ молодцовъ изъ ея свиты, въ родѣ черноокаго дивной красоты Разумовскаго, предшествіе ей маститаго Архіепископа, съ двумя красавцами Архимандритами въ полномъ торжественномъ облаченіи, громогласное пѣніе Рожественскаго клира, роскошь наряда придворнаго штата, шествіе по широкой Московской улицѣ, запруженной народомъ изъ окрестностей Слободы, не говоря уже объ ея жителяхъ, всѣ эти блестящія обстановки жаждали только кисти художника. Таже картина предстала вновь при обратномъ шествіи Императрицы изъ монастыря во дворецъ, съ добавленіемъ только сопутствія ей сестеръ съ Игуменьей обители на малое разстояніе. Во дворцѣ изволила кушать обѣденное кушанье со всею свитою, разгулявшеюся не нашутку, забывъ уставъ поста, подъ бойкій напѣвъ удалой пѣсни голосистаго хора Слободскихъ пѣвицъ, заводившихъ уже по прежнему хороводы въ глазахъ Царицы, выглядывавшей изъ окна, и тѣмъ какъ бы поощрявшей ихъ восторгъ свиданія съ нею. Хмѣльное винцо да Мартовское пивцо кружала Слободскаго, щедрою рукою, по Царской милости, разносилось ликующей толпѣ, среди которой уже слышались зычные крики, дикіе возгласы... и все это только и утихало при плѣнительномъ взглядѣ матушки-Царицы, спѣшившей въ Лавру. Того же числа по полудни, въ 3 часу, въ ис-

---

[73] Осьмнадцатый вѣкъ, кн. II, стр. 275—276.

[74] Камеръ-Фурьерскіе журналы 1744 г.

ходѣ, повѣствуетъ Камеръ-Фурьерскій журналъ, [75] Ея Величество изволила шествовать изъ Александровой Слободы, и въ 8 часу, въ половинѣ, при тѣхъ же проводахъ народа по пути, освѣщенному ночью горѣвшими смоляными бочками, возвращалась въ Троицкій монастырь.

Это шествіе было, какъ видно изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала и другихъ источниковъ, первое и послѣднее въ ея царствованіе, тѣмъ болѣе, что мѣстное преданіе не сохранило въ памяти своей никакой другой еще ея поѣздки, за все время ея царствованія, которое для Слободы не осталось безслѣднымъ. Быть можетъ, не въ это ли посѣщеніе были заложены тѣ памятники ея Царскаго вниманія къ Слободѣ, которые до нынѣшнихъ дней являются свидѣтелями въ бывшей ея вотчинѣ.

Въ первые годы своего царствованія Царица украсила Слободу построеніемъ около монастыря каменнаго храма, тезоименитаго своему Ангелу, Захарія и Елисаветы, что нынѣ придѣлъ у церкви Преображенія, до сего времени стоящій въ Слободѣ, причетъ которой, состоя, въ родѣ придворнаго, на ругѣ, съ царствованія Елисаветы Цесаревны до 1818 г., получалъ жалованье изъ Конюшеннаго Вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго до того состоялъ построенный, также ея повелѣніемъ, Конный заводъ, окончательно отстроенный въ 1745 г. и принадлежавшій, по своему составу, внѣшнему виду и удобству размѣщенія, какъ отзывались современники и знатоки коннозаводства, «къ первѣйшимъ въ Европѣ.» [76]

Въ двадцатилѣтнее царствованіе Елисавета оказала много милостей Слободскимъ обывателямъ, которые, ободренные ея былой лаской и добродушнымъ обхожденіемъ, въ своихъ нуждахъ прямо относились къ ней. Въ послѣдніе его годы родился въ Слободѣ Александровой Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ, [77] извѣстный Про-

---

[75] За 1744 г. по отрывкамъ, сообщ. Петровымъ и по экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

[76] Описаніе Коннаго завода будетъ предметомъ особой статьи

[77] Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ, отецъ извѣстнаго Профессора Императорскаго Московскаго Университета, Ивана Михайловича Снегирева. Къ крайнему сожалѣнію, намъ не извѣстенъ годъ рожденія его и на какомъ году скончался, 16 Іюня, 1821 г., а погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Свѣдѣній о томъ не имѣется ни въ Библіографическомъ Словарѣ Имп. М. Университета 1855 г., часть 2, стр. 420, ни въ Воспоминаніяхъ Снегирева, въ Русскомъ Архивѣ за

фессоръ Императорскаго Московскаго Университета, котораго она даже была воспріемницей. На ряду съ этой извѣстностію Слободы въ дни ея царствованія Слобода была родиной двухъ, въ послѣдствіи знаменитыхъ, Іерарховъ нашей Церкви: такъ у Дьякона Александровой Слободы, Пономарева (въ бытность его Пономаремъ, вѣроятно, при Захарьевско-Елисаветинской церкви) родился, въ 1747 г.,[78] сынъ Петръ, въ послѣдствіи Павелъ Пономаревъ, Архіепископъ Ярославскій († 1824 г.);[79] а у Священника Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ Слободѣ, Сергія Логиновскаго, 22 Іюня, 1747 г., родился сынъ Стефанъ, въ послѣдствіи извѣстный Серапіонъ Александровскій, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій († 1814.) Въ окрестностяхъ Слободы, въ ближнихъ селахъ, также въ ея царствованіе, родились не менѣе извѣстные представители Церкви: въ 1742 г., 30 Ноября, въ погостѣ Стоговѣ, у Священника Іоанна Подобѣдова, родился сынъ Андрей, въ послѣдствіи извѣстный Амвросій Подобѣдовъ, Митропо-

---

1866 г., стр. 559 и 516, гдѣ сказано только: «батюшка увидѣлъ свѣтъ въ Александровѣ, въ то время, когда тамъ, въ Успенскомъ монастырѣ, пребывала Царевна Елисавета Петровна, врестная отца моего.» Между тѣмъ какъ въ Словарѣ сказано, что онъ родился въ послѣдніе годы ея царствованія, что и вѣроятнѣе. Ни объ годѣ рожденія и возраста, ни этого недоумѣнія, не могъ намъ ни сообщить, ни разъяснить, біографъ и библіографъ Снегирева, А. Д. Ивановскій, бывшій библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки и издатель его сочиненій.

[78] Владимирскія Епархіальныя Вѣдомости, 1871 г., № 16, неоффиц. часть, стр. 350. Есть свѣдѣніе, что онъ родился въ 1749 г., именно въ Лѣтописи Намѣстниковъ, Келарей, Казначеевъ, Ризничихъ, Экономовъ и Библіотекарей Сергіевой Лавры, стр. 9.

[79] Павелъ Пономаревъ изъ Александровой Слободы, Дьяконовъ сынъ, род. въ 1749 г., учился въ Троицкой Семинаріи и былъ потомъ въ ней Учителемъ; постриженъ въ монашество въ Іюнѣ 1775 г., а 28 Августа того же года опредѣленъ Намѣстникомъ Лавры. Бывши Намѣстникомъ, составилъ подробное и первое печатное историческое описаніе Троицко-Сергіевой Лавры (Спб. 1782 г. въ 8), имѣвшее нѣсколько изданій. Въ 1782 г. опредѣленъ Ректоромъ Московской Академіи и Архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря, въ 1783 г., Ноября 27, переведенъ, въ качествѣ Настоятеля, въ Симоновъ монастырь, откуда 13 Октября, 1785 г., въ Воскресенскій, а 14 Генваря, 1786, въ Новоспасскій; 20 Марта, 1794 г., рукоположенъ во Епископа Нижегородскаго; 26 Октября, 1798 г., переведенъ въ Тверскую Епархію, а въ Маѣ 1799 г. пожалованъ Архіепископомъ; далѣе, 15 Генваря, 1800 г., переведенъ въ Ярославль, гдѣ и скончался 19 Марта, 1806 г. Въ Настоятельскихъ покояхъ Новоспасскаго монастыря сохраняется портретъ Преосвящ. Павла Пономарева (Лѣтопись Намѣстниковъ и т. д., стр. 9).

литъ Новогородскій и С.-Петербурскій († 21 Мая, 1818),[80] а въ селѣ Алексинѣ, у Священника Смирнова, въ 1759 г., родился сынъ Михаилъ Смирновъ, въ послѣдствіи Архіепископъ Псковскій († 2 Февраля, 1851 г.).[81]

Подъ Слободою, въ царствованіе Елисаветы, разселился новый помѣщичій людъ: изъ потомковъ же древняго боярства, въ родѣ Бутурлиныхъ, остались, послѣ злополучнаго отца, Ивана Ивановича Бутурлина, его дѣти: Юрій, Николай, Сергій и Аркадій,[82] послѣдній любимецъ Елисаветы, счастливыхъ дней ея, пожалованный ею въ Дѣйствительные Камергеры и Кавалеры ордена Св. Анны, словомъ, взысканный всѣми ея милостями преимущественно передъ прочими братьями. Они всѣ рѣдко навѣщали опальное село Крупецъ, гдѣ короталъ такъ безропотно дни свои ихъ маститый старецъ-отецъ. Елисавета, награждая сына, хотѣла изгладить изъ памяти его ошибку матери своей, въ семъ дѣлѣ подчинившейся исключительно вліянію Меньшикова, тѣмъ болѣе, что они были близкіе родные Александру Борисовичу Бутурлину, пользовавшемуся исключительною ея милостью, нечуждой непосредственнаго вліянія этого нѣкогда раба ея сердца, на закатѣ дней своихъ стяжавшему отъ Елисаветы Графство

---

[80] Превосходно составленная біографія его Профессоромъ Чистовичемъ напечатана, съ его портретомъ, въ Странникѣ, духовно-учено-литературномъ журналѣ за 1860 г., въ книжкѣ за Май, отд. 1, стр. 149, за Іюнь, отд. 1, стр. 217, но требуетъ она нѣкоторыхъ дополненій, которыя и надѣемся со временемъ напечатать.

[81] Меѳодій Смирновъ, Архіепископъ, уроженецъ Владимирской Губерніи, воспитанникъ Троицкой Семинаріи, въ послѣдствіи Ректоръ Московской Академіи и Архимандритъ, сначала Заиконоспасскаго монастыря, потомъ Новоспаскаго съ 1794 г. Членъ Святѣйшаго Синода, съ 1795 г. Епископъ Воронежскій, съ 1799 г. Тульскій, съ 1803 г. Архіепископъ Тверской; переведенъ въ 1814 г., въ Псковъ, гдѣ и скончался 21 Февраля, 1815 г., погребенъ подъ Соборомъ (Святыни и древности Пскова, Графа М. Толстого. М. 1861 г. Приложенія, стр. 18). Въ этой книгѣ онъ ошибочно названъ уроженцемъ Владимирской Губерніи, села Кожанки, такъ какъ такого названія во всей Владимирской Епархіи не имѣлось и не имѣется.

[82] Родословная книга, Кн. Долгорукаго, часть II. Спб. 1855 г., стр. 159—160, №№ 168—171. Добавимъ въ ней генеологическія свѣдѣнія слѣдующими-Дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Св. Анны, Аркадій Ивановичъ Бутурлинъ (№ 170) † 28 Апрѣля, 1775 г.; дочь его, Настасья Аркадьевна, Бутурлина—дѣвица † 12 Декабря, 1807 г.; оба погребены въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ холоднымъ Троицкимъ Соборомъ, рядомъ съ отцомъ перваго и дѣдомъ второй, Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ.

и званіе даже Генералъ-Фельдмаршала, не смотря, по отзывамъ современниковъ, на всю неспособность его къ ратному дѣлу.

Макарова же съ восшествія на престолъ Елисаветы уже не было на свѣтѣ († 28 Ноября, 1740 г.), а оставшееся по немъ потомство заключалось, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ единственномъ сынѣ, Петрѣ, по инымъ же, и въ другомъ, Михаилѣ. Петръ Алексѣевичъ род. 1718 г., крестникъ Петра Великаго, и въ честь его тезка, служилъ въ полку, заболѣлъ и, въ чинѣ Подполковника, получилъ отставку больной (31 Марта) и вскорѣ, 7 Мая, 1759 г., отдалъ Богу душу, оставивъ взрослыхъ сыновей: Николая и Алексѣя, значительное состояніе и домъ въ Петербургѣ, откуда рѣдко ѣздилъ навѣщать свою вотчину и роскошную усадьбу Балакирево, а также с. Богословское. [83]

Дѣйствительно, подъ Слободой не осталось въ дни царствованія Елисаветы никого изъ тѣхъ птенцовъ ея отца, съ которыми она, въ бытность еще Цесаревной, съ полнымъ восторгомъ вспоминала объ ихъ благодѣтелѣ. Появился рядъ новыхъ помѣщиковъ въ конфискованныхъ вотчинахъ, рядъ тѣхъ случайныхъ людей, которыми такъ богато ея царствованіе: въ усадьбѣ именитаго Князя-Кесаря Ромодановскаго жилъ уже Генералъ-Поручикъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, счастливецъ царственныхъ дней Елисаветы, выѣзжавшій оттуда въ другія свои вотчины для любезной только охоты; въ вымороченномъ достояніи древней отрасли угасшаго Княжескаго рода Гагиныхъ и Велико-Гагиныхъ, [84] селѣ Тимоѳѣевскомъ, проживалъ нерѣдко новый владѣлецъ вотчины, тоже случайный человѣкъ царствованія Елисаветы, вышедшій изъ истопниковъ въ Генералъ-Аншефы, дряхлый Василій Ивановичъ Чулковъ, со смертью своей благодѣтельницы рѣже навѣщавшій Петербургъ, а съ кончиною Петра III окончательно поселившійся въ своей усадьбѣ, селѣ Яковлевѣ, гдѣ предавался страстно любимой имъ псовой

---

[83] Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія, не извѣстныя до сего времени, именно: фамильныя бумаги, проливающія новый свѣтъ на происхожденіе А. В. Макарова и его семейства, даютъ намъ возможность со временемъ сообщить много важныхъ документовъ, какъ о немъ, такъ и объ его родѣ, пользуясь переданнымъ семейнымъ архивомъ.

[84] Смотри о Гагиныхъ и Велико-Гагиныхъ въ Россійской Родословной книгѣ, Кн. Долгорукаго, часть IV, стр. 356—357. Въ нашемъ собраніи имѣется интересная выпись изъ писцовыхъ книгъ 1629 о вотчинахъ одного изъ Князей Велико-Гагиныхъ, именно Князя Степана Ивановича Велико-Гагина, въ числѣ коихъ упоминаются и выше означенныя имѣнія.

охотѣ и матеріяльнымъ заботамъ по устройству имѣнія и немалочисленной родни, какъ своей, такъ и женниой. Около этихъ двухъ, такъ сказать, свѣтилъ, какъ около кометы ея спутники, гнѣздились въ своихъ деревенькахъ людишки той поры, выведенные въ таковые вліяніемъ либо сильнаго ходатая, либо личною службою. Вся эта придворная челядь запасалась клочкомъ земли въ окрестностяхъ Слободы, изъ подвѣдомственныхъ дворцовыхъ вотчинъ которой и вели свой несановитый родъ. И до сего времени въ тѣхъ мѣстахъ (въ Александровскомъ Уѣздѣ) уцѣлѣли, на ряду съ потомствомъ Чулкова и Шубина, также Нестеровы—потомки въ царствованіе Елисаветы Камеръ-Фурьера Сергѣя Нестерова, и Редриковы—потомки Капитана Редрикова, удостоившагося, въ царствованіе Елисаветы, пировать свою свадьбу во дворцѣ ея, въ Петербургѣ, 13 числа Ноября, 1756 г., съ придворною дѣвушкой Императрицы, находившейся у шитья Ея Величества кружевъ.[85]

Хотя смилостивившаяся Елисавета и возвратила бывшую дочь Князя-Кесаря изъ вольной ссылки, Графиню Екатерину Ивановну Головкину, послѣ смерти ея мужа въ Сибири (10 Ноября, 1755 г.), но твердая супруга возвратилась уже не въ прежнюю свою приданную вотчину, гдѣ, на радушныхъ обѣдахъ своего отца, Князя Ромодановскаго, нерѣдко встрѣчалась съ Елисаветой, еще Цесаревной, съѣзжавшейся съ Княземъ послѣ удачнаго отъѣзжаго поля, на которомъ тѣшился теперь уже новый владѣлецъ, А. Я. Шубинъ, пожалованный Императрицей той вотчиной послѣ конфискаціи его, до ссылки еще Гр. Головкина. И эта прежняя знакомая Императрицѣ, даже нѣкоторымъ образомъ въ свойствѣ съ нею въ своемъ помѣстьѣ, не могла болѣе встрѣтиться съ нею, а поселилась въ Москвѣ, на Никитской, въ обширномъ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертымъ въ отсутствіи родовой, почтенной хозяйки своей. [86]

Дворцовыя подъ Слободою волости, какъ ближнія, такъ и дальнія, что нынѣ Александровская и Андреевская волости, поступили, съ учрежденіемъ Конпаго Завода, изъ Вотчинной Канцеляріи Цесаревны въ вѣдѣніе Конюшеннаго Управленія онаго, въ непосредственное распоряженіе Шталмейстера, подъ вѣдомствомъ Дворцовой

---

[85] Камеръ-Фурьерскіе журналы, веденные Камеръ-Фурьеромъ Сергѣемъ Нестеровымъ: въ нихъ въ 1745, стр. 233, упоминается онъ, а Редриковъ въ 1756 г.

[86] Графиня Головкина, соч. Хмырова. Спб, 1867 г., стр. 233–234.

Конюшенной Канцеляріи; Государева же десятинная пашня обработывавшаяся на обиходъ Цесаревны, со вступленіемъ на престолъ, перешла на довольствіе фуражемъ Коннаго Завода, которому изъ оной часть земли была обращена непосредственно въ собственность для подножнаго корму и водопоя; въ послѣдствіи же часть оной десятинной пашни, по приказанію Императрицы Елисаветы, была роздана дворцовымъ крестьянамъ, до уничтоженія завода (1817 г.) слывшимъ подъ именемъ Конюшенныхъ и извѣстныхъ подъ этимъ именемъ до и сего времени въ народѣ, хотя на офиціяльномъ языкѣ по вѣдомостямъ и значатся подъ именемъ дворцовыхъ, удѣльныхъ, крестьянъ-собственниковъ: крестьяне, за таковую прибавку, повышены были наложеніемъ на нихъ денежнаго оброка, кромѣ издѣльныхъ работъ, соединенныхъ съ исполненіемъ нуждъ заводскаго хозяйства. Слободской дворецъ Цесаревны [87] запустѣлъ послѣ посѣщенія, въ 1744 г., своей царственной хозяйки, и долго, долго стоялъ ни кѣмъ не занятой, пригодившись, съ учрежденіемъ въ Александровой Слободѣ города Александрова, въ 1778 г., Сентября 1-го дня, подъ квартиру высшему представителю правительственной власти въ городѣ, первому Городничему, Осипу Яковлевичу Ильину. [88]

Но это случилось уже послѣ смерти Императрицы Елисаветы († 25 Декабря, 1761 г.), отъ которой Александрова Слобода, какъ бы по наслѣдству, перешла къ ея племяннику и стала значиться вотчиной Императора Петра III, [89] одновременно со вступленіемъ его на Всероссійскій Престолъ.

Александровъ
Владимирской Губерніи.

---

[87] Mémoires du Prince Piérre Dolgoroukoff, t. 1, page 48, повѣствуютъ, яко бы Шубинъ получилъ себѣ въ подарокъ отъ Императрицы домъ, который она себѣ выстроить велѣла, т. е., дворецъ. Это ошибочное извѣстіе. У Шубина (по преданію) былъ свой домъ въ Слободѣ; большое мѣсто его, какъ указываютъ, нынѣ принадлежитъ купцамъ Барановымъ, около казеннаго зданія Присутственныхъ Мѣстъ, на главной площади, противъ дворца Цесаревны, можетъ быть своей усадьбой занимавшей и это мѣсто.

[88] Полное собраніе Россійск. Государ. Законовъ т. XX, №№ 14787 и 14790. Портретъ О. Я. Ильина сохраняется въ имѣніи его родной внуки, Г. П. Изъѣдиновой (урожд. Ильиной), въ Селѣ Давыдовскомъ, Юрьевъ-Польскаго Уѣзда Владимирской Губерніи.

[89] Въ 1762 г. таковою вотчиною Петра III значится Слобода Александрова по архивнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ М. Д. Хмыровымъ.

2007043124